

**Н. Ю. Ульченко
П. В. Шлыков**

**Динамика
российско-турецких отношений
в условиях нарастания
глобальной нестабильности**

*Москва
ИВ РАН
2014*

ББК 68.9(2+5Туц)

У51

Ш69

Ответственный редактор

член-корреспондент РАН, профессор В. В. Наумкин

Рецензенты

профессор В. Я. Белокреницкий, профессор А. Т. Мозлов

Ульченко Н. Ю., Шлыков П. В.

Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности / под ред. В. В. Наумкина. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 96 с.

ISBN 978-5-89282-602-0

В работе представлен комплексный анализ двусторонних отношений России и Турции в 2000-е годы, которые обещают войти в историю как «золотой период» российско-турецкой дружбы. Прагматизм взаимной заинтересованности помогал Москве и Анкаре сглаживать острые углы политических и экономических отношений, минимизируя отрицательное воздействие нестабильной международной конъюнктуры. Размышляя над возможностями выведения двустороннего сотрудничества на более высокий уровень, авторы подробно анализируют современное состояние политического диалога между Москвой и Анкарой, факторы развития и стагнации торгово-экономических отношений, возможные формы кооперации на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии и на Кавказе, а также перспективы взаимодействия в гуманитарной сфере.

ББК 68.9(2+5Туц)

ISBN 978-5-89282-602-0

© Н.Ю. Ульченко, П.В. Шлыков, 2014

© Институт востоковедения РАН, 2014

Содержание

Раздел I. Характер двусторонних отношений в 2000-е гг.: Россия и Турция в глобальной политике (Шлыков П.В.)	4
Раздел II. Россия и Турция на поле ближневосточной политики (Шлыков П.В.)	16
Вызовы «арабской весны», сирийский кризис и поиски новой модели регионального сотрудничества	18
Иранская проблема в контексте российско-турецких отношений	30
Иракское направление и курдский вопрос в контексте российско-турецких отношений	34
Афганистан: поле новых вызовов и возможностей	40
Центральная Азия как сфера политического сотрудничества и соперничества.....	42
Россия и Турция на Кавказе: стремление к преодолению нестабильности.....	45
Раздел III. Экономические аспекты развития российско- турецких отношений (Ульченко Н.Ю.)	48
Раздел IV. Гуманитарное сотрудничество и неполитические субъекты российско-турецких отношений (Шлыков П.В.) ...	61
Достижения и издержки гуманитарного сотрудничества в сфере туризма	65
Сотрудничество в сфере образования	66
Публичная дипломатия и межкультурный диалог.....	71
Послесловие (Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В.)	75
Список источников и литературы	81
Summary	94

Раздел I

Характер двусторонних отношений в 2000-е гг.: Россия и Турция в глобальной политике

В историческом континууме XX в. характер взаимоотношений России и Турции изменялся в очень широком диапазоне: от тесной дружбы и взаимодействия до открытой конфронтации. Отсчет нового этапа во взаимоотношениях двух стран хронологически оказался близок к началу календарного XXI в.: 16 ноября 2001 г. министр иностранных дел России Игорь Иванов и его турецкий визави Исмаил Джем подписали этапный для двусторонних отношений документ – «План действий по развитию сотрудничества между РФ и Турцией в Евразии». В этом документе официально фиксировались условия для начала нового этапа в отношениях, который должен был характеризоваться переходом от двустороннего к региональному сотрудничеству «во всех областях в духе дружбы и взаимного доверия»¹. При этом четко обозначались географические направления будущего сотрудничества – Балканы, Южный Кавказ, Центральная Азия, Афганистан, Кипр, Ближний Восток, Черноморский регион, Средиземноморье, кооперация по евразийской проблематике в международных организациях. Документ открыл широкий коридор возможностей для взаимодействия в таких деполитизированных сферах, как торговля, культура и туризм, и должен был послужить основой для налаживания механизма политического диалога. Символическим началом такового стал официальный визит президента В.В. Путина в Турцию в декабре 2004 г., прервавший 32-летнюю паузу в двусторонних визитах высшего

---

¹ План действий по развитию сотрудничества между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в Евразии от 16 ноября 2001 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-rusya-federasyonu-siyasi-iliskileri.tr.mfa>].

уровня². Подписанная по его итогам Совместная декларация не только ритуально фиксировала широкий спектр взаимных интересов и рост политического доверия, но и ставила задачу диверсификации сфер сотрудничества как императива поступательного развития отношений «двух евразийских стран»³. На тот момент у Анкары и Москвы наметилось совпадение взглядов на многие региональные проблемы: обе страны разделяли обеспокоенность наступательной политикой США на Ближнем Востоке – в Афганистане и Ираке. Однако главное – пришло время, когда концентрация внешних и внутренних факторов, способствовавших улучшению отдельных аспектов российско-турецких отношений, достигла порогового уровня кумулятивного эффекта.

В 1990-е гг. коалиционные правительства Турции проводили достаточно непоследовательную внешнюю политику на российском направлении. В условиях острой борьбы за симпатии избирателей политики часто прибегали к популистским националистическим лозунгам развития сотрудничества с тюркскими республиками бывшего Советского Союза, что воспринималось Москвой как вторжение в сферу ее национальных интересов и негативно отражалось на турецко-российских отношениях. Приход к власти Партии справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. и создание однопартийного правительства оказало положительное влияние на развитие двусторонних отношений: уверенность в стабильности своего положения позволили ПСР проводить активную политику, а отказ от показной ориентации на тюркские республики способствовал налаживанию сотрудничества с Россией.

Новая политическая элита, олицетворением которой стали Реджеп Эрдоган и Абдуллах Гюль, в своей риторике и внешнеполитическом курсе также выступали на контрасте с прежним поколением турецких политиков. Ньюсмейкеры 1990-х гг. – Бюлент Эджевит,

---

² Фактически это был первый визит главы Российского государства за пятисотлетнюю историю двусторонних отношений (если не считать официальный визит в Анкару Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного в 1972 г., а также визиты Б. Ельцина в Турцию для участия в различных международных заседаниях, не носившие характера государственного визита).

³ Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой (6 декабря 2004 г.).

Тансу Чиллер, Месут Ыылмаз, Неджметтин Эрбакан – во многом продолжали мыслить категориями «блокового противостояния» и «теории сдерживания», поэтому находить общий язык с новой российской элитой им было непросто. Неслучайно в 1990-е гг. Москве и Анкаре так и не удалось выработать взаимоприемлемые решения по взаимодействию на таких направлениях как чеченская и курдская проблемы, найти общие подходы для осуществления сотрудничества в энергетической сфере. Тем рельефнее проявились отличия новой турецкой политической элиты: Эрдоган и Гюль, а с ними и Ахмет Недждет Сезер (президент в 2000–2007 гг.), постарались отойти от стереотипов «холодной войны». Турецкие лидеры новой волны уже не позволяли себе броских лозунгов времен Тургуту Озала и Сулеймана Демиреля о грядущем «веке тюрок» и «тюркском мире от Адриатического моря до Китайской стены». Это не только отражало повышение политической ответственности, но и настраивало на стабильное конструктивное сотрудничество Анкары и Москвы. Так прагматизм взаимной заинтересованности стал отличительной чертой российско-турецких отношений в 2000-е гг.

Турецкая военная элита – один из главных центров силы в специфической турецкой модели политического устройства на протяжении XX в. – в 2000-е гг. также изменила свое отношение к развитию российско-турецких отношений. В 1990-е гг. целый букет конфликтных противоречий и «раздражителей» Москвы и Анкары вызывал обеспокоенность турецких генералов, в глазах которых Россия по-прежнему воспринималась как угроза: это и военное сотрудничество России и Армении, рождавшее подозрения в косвенном участии Москвы в абхазско-осетинском конфликте и войне в Нагорном Карабахе, и подозрения в экспансионистских устремлениях России на Балканах, на Кавказе и в Центральной Азии, и конкуренция в сфере транспортировки энергоресурсов каспийского региона, и позиция по курдскому вопросу. В 2000-е гг. эти вопросы были либо пересмотрены, либо сняты с повестки дня. В то же время факторами, сближающими военную элиту двух стран в вопросах международной и региональной безопасности, стали совместные инициативы по реализации Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), а также по урегулированию конфликтов на Кавказе, в Ираке и Афганистане, не говоря

уже о совпадении позиций Москвы и Анкары по проблеме дислокации сил НАТО на Черном море.

Еще одним драйвером поступательного развития российско-турецких отношений можно назвать бизнес-элиты, выступающие за укрепление связей между Россией и Турцией. Взаимодополняющий характер экономик двух стран создавал широкое поле возможностей для развития экономических связей. Очевидный рост сотрудничества в сфере торговли, энергетики и туризма с 1990-х гг. настойчиво требовал от турецких политиков выстраивания взвешенных отношений с Москвой и учета экономических интересов при формулировании внешнеполитического курса. Деятельность российских и турецких предпринимателей выступила одним из основных локомотивов развития российско-турецких отношений начиная с 1990-х гг. В результате экономическое сотрудничество – как основа прагматизма взаимных интересов – создало возможности для улучшения политического взаимодействия. Кумулятивный эффект экономического фактора рельефно проявился именно в 2000-е гг.

В доктринальном плане обновление турецкой правящей элиты в начале 2000-х гг. привело к отказу Турции от роли «фланговой страны» периода «холодной войны» и стремлению сформулировать геополитическую роль Турции как «центрального государства» для Балкан, Черноморского региона, Ближнего Востока и Средиземноморья⁴. Идеологи сегодняшней турецкой внешней политики считают, что Турция, занимая одно из центральных положений в регионе Большого Ближнего Востока (далее – ББВ),

---

⁴ Показательно выступление Ахмета Давутоглу на 28-й конференции, посвященной турецко-американским отношениям 2 июня 2009 г. (первый месяц пребывания Давутоглу на посту главы турецкого МИД): «Турция находится в самом центре Афро-Евразии... У этой центральной позиции – колоссальные преимущества и очевидные риски. Турция подвержена окружающей ее нестабильности, чреватой все новыми вызовами и угрозами, однако в этом и уникальные преимущества: непрерывность географического пространства дает доступ ко многим регионам. Именно это я называю “стратегической глубиной”» [Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H.E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by ATC-DEIK: “Turkey-US relations: A Model Partnership, Global and Regional Dimensions” (Washington DC, 2 June 2009). [Электронный ресурс] URL: http://www.mfa.gov.tr/minster_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa].

с исторической, геополитической и стратегической точек зрения обязана вести активную внешнюю политику, многовекторность которой предполагает синхронную активность в направлении широкого спектра регионов и международных организаций по внутреннему кругу вопросов и проблем⁵.

Для развития российско-турецких отношений концепции «турецкого Макиавелли» Ахмета Давутоглу⁶ означали снятие прежних идеологических ограничений. Более того, доктрина «стратегической глубины», с одной стороны, соотносилась

---

⁵ Декларируемые Турцией ключевые задачи внешней политики – создание и поддержание безопасности, стабильности, неконфликтного взаимодействия и сотрудничества. Анкара стремится энергично наращивать сотрудничество и выстраивать связи с развивающимися странами. Так, за последние годы Турция открыла 22 посольства в Африке, заключила пакет партнерских соглашений со странами ССГПЗ, создала новые дипмиссии в странах Латинской Америки, развивает многоуровневые отношения со странами БРИКС, получила статус наблюдателя в Африканском Союзе, ЛАГ, стала «партнером по диалогу» ШОС [Zaman, 27/04/2013; см. также: Давутоглу, Ахмет. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике, 28.02.2010].

⁶ В основе современной внешней политики Турции лежат шесть принципов, сформулированных в программной работе нынешнего министра иностранных дел Турции Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина» [Davutoğlu, Ahmet. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001]. Первый принцип – определение баланса между свободой и безопасностью. Второй – «обнуление проблем» с соседями, т.е. усиленное вовлечение всех региональных сил в конструктивное взаимодействие. Третий – эффективная дипломатия в отношении соседних регионов (интенсификация взаимовыгодного сотрудничества в сфере безопасности, политики, экономики и культуры). Четвертый принцип – стремление к взаимодополняющим действиям с основными игроками на мировой арене. Пятый – эффективное использование международных форумов и новых инициатив для придания импульса решению вопросов, представляющих взаимный интерес (ООН, НАТО, ОИС и др.). Шестой – создание «нового образа Турции» через общественную дипломатию. Сформулированные еще до прихода ПСР к власти, эти принципы с течением времени эволюционировали и отчасти пересматривались. В наибольшей мере ревизия коснулась принципа «обнуления проблем» с соседями. Реализовавшись в известной мере в первые годы правления ПСР, впоследствии он стал основой для выдвижения правительством ПСР более масштабных внешнеполитических инициатив – превращения Турции из страны, реагирующей на основные тренды мировой политики, в страну, формирующую и определяющую направленность этих трендов. В конечном итоге это привело не только к нормализации старых проблем с сопредельными странами, но и появлению новых линий напряженности с соседями. Критики Эрдогана даже перефразировали тезис «ноль проблем с соседями» в «ноль соседей без проблем».

с планами включения Турции в орбиту геополитического партнерства на пространстве Евразии, с другой – сближала две страны в вопросе приверженности политике сохранения статус-кво и поддержания стабильности в неспокойном международном окружении.

На макроуровне мировой политики позитивные сдвиги в российско-турецких отношениях отразились в сближении позиций Москвы и Анкары по ключевым проблемам региона БВВ. Турция стала первой страной НАТО, подписавшей с Россией соглашение о военно-техническом сотрудничестве в 1994 г., по которому Анкара смогла получить специальное оборудование для борьбы с террористической активностью Рабочей партии Курдистана: западные союзники Турции подобное оборудование поставлять не хотели. В 2000 г. была создана совместная комиссия по ВТС, однако надежды России обеспечить с ее помощью многомиллионные закупки российских вооружений развеялись после первых проигранных тендеров: Анкара прагматично рассматривала ВТС с Москвой как рычаг влияния на европейских и американских партнеров и отжимания у них более выгодных условий сотрудничества. Турция поддержала Россию в вопросе получения статуса наблюдателя при Организации исламского сотрудничества (в то время еще ОИК), последовательно выступала за присоединение России к ВТО. Турция взяла на себя роль ключевого партнера России в создании формата Группы стратегического видения «Россия – исламский мир».

Российская поддержка турецких международных инициатив в 2000-е гг. была не столь ощутимой: это и настойчивое вето Москвы на реализацию плана Кофи Аннана по объединению Кипра (2004), и скепсис по отношению к вступлению Турции в ЕС (2005), которое В.В. Путин характеризовал в 2005 г., когда был дан старт официальным переговорам Брюсселя и Анкары, как потенциальный ограничитель в развитии российско-турецких отношений⁷. Настороженность, а порой и неприятие конъюнктурной гибкости,

---

⁷ Турецкие газеты, не скрывая досады, приводили слова российского президента и ответ Эрдогана (Erdoğan'dan Putin'e mesaj: AB'ye gireceğiz ama sizden vazgeçmedik // Zaman, 10/01/2005), Putin sitemine 600 kişilik cevap // Hürriyet, 11/01/2006).

столь присущей турецкой политической культуре, проявляется в отношениях России к Турции на совершенно разных уровнях. Несмотря на наращивание масштабов сотрудничества и восприятие Турции как последовательного партнера, членство Турции в НАТО несколько сужает возможные пределы доверия к Анкаре. Это отражается и на дискурсе значительного числа российских экспертов-международников, с одной стороны, ставящих позитивное развитие отношений с Турцией в актив внешних политических достижений Москвы (как фактор, повышающий международный престиж страны), с другой – часто критикующих Турцию, ее международные инициативы и лидерские амбиции Анкары⁸.

Благоприятное развитие двусторонних отношений в 2000-е гг. определялось тремя факторами: возросшим уровнем взаимного доверия в политической сфере, серьезной экономической заинтересованностью сторон и кросс-культурным взаимопониманием России и Турции. В их нынешнем состоянии российско-турецкие отношения представляют собой исключение на фоне общей напряженности международной политики последних двух десятилетий. Впервые в истории двух стран эти отношения строятся на совершенно новом надыдеологическом основании – «приверженности таким основополагающим принципам и ценностям как демократия и верховенство права»⁹ – и детерминированы взаимовыгодным торгово-экономическим сотрудничеством.

Важным катализатором развития российско-турецких отношений выступает многоуровневая система политических и неполитических контактов, среди которых особняком стоят отношения между лидерами двух стран. Твердая основа существующей модели двусторонних связей закладывалась еще в 1990-е гг., и ее главными детерминантами выступали – рыночные реформы в России и новые геополитические реалии, вызванные крахом Советского Союза.

---

⁸ До начала «арабских революций» общественное мнение Турции практически единодушно характеризовалось позитивным отношением к России, выступало за развитие отношений с Россией без каких-либо предусловий.

⁹ Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой. [Электронный ресурс] URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2004/12/80719/161826.shtml>.

Продвижение российско-турецких отношений к уровню стратегического партнерства основывается на двусторонних соглашениях и договоренностях, достигнутых по широкому спектру проблемных зон (вопросам транспортировки энергоресурсов, развертывания операции «Черноморская гармония» и т.д.), стремительном росте объемов двусторонней торговли и расширении экономического сотрудничества.

Последнее десятилетие дало немало примеров ревизии прежнего положения Турции в системе координат мировой политики. Так, во время иракской войны (2003–2011) Турция продемонстрировала способность успешно сочетать членство в НАТО с независимой внешнеполитической линией на ближневосточном направлении, в конце 1990-х гг. Анкара пересмотрела свое отношение к чеченской проблеме – столь болезненном для Москвы вопросе, а в 2008 г. заняла сдержанную позицию по российско-грузинской войне в Абхазии и Южной Осетии¹⁰.

Поступательное развитие отношений вместе с тем не отменяет наличия разногласий и полярных позиций по ряду других вопросов – в частности, по сирийскому кризису или размещению американской ПРО на турецкой территории, а также проблеме Кипра. Однако эти расхождения в значительной степени носят тактический характер и не препятствуют политическому диалогу, не нарушают сложившуюся модель взаимного доверия и уважения к политическим решениям друг друга. Способность демпфировать реакции на колебания внешнеполитической конъюнктуры отражает накопленный запас прочности в модели отношений между Россией и Турцией.

На сегодняшний день российско-турецкие отношения не содержат серьезного конфликта интересов, а прагматизм внешнеполитических стратегий Москвы и Анкары позволяет заложить базу многомерного партнерства и комплементарных связей существенно большего периода, чем это было характерно для «золотого времени» советско-турецкой дружбы 1920-х гг.

---

¹⁰ При том, что, по обнародованным документам *WikiLeaks*, во время августовской войны 2008 г. Турция была готова ввести свои войска под статусом НАТО на территорию Грузии в случае вторжения России в Аджарию.

Россия – стратегический экспортер энергоресурсов на турецкий рынок. Обе страны интенсивно развивают инфраструктуру сотрудничества: успешно работает трубопроводная система «Голубой поток», проложенная из России в Турцию по дну Черного моря, дан старт началу сооружения «Южного потока». Российские компании обеспечивают значительную долю потребностей турецкой экономики не только в газе, но и в нефти, и нефтепродуктах. Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом», управляющая всеми ядерными активами России, возводит первую в Турции атомную электростанцию «Аккую», объем инвестиций в сооружение которой составляет более \$ 20 млрд. Две страны продолжают наращивать взаимодействие в области промышленности и высоких технологий. В металлургической сфере реализуется масштабный проект развития сталелитейного завода в Искандеруне за счет финансовых и технологических инвестиций Магнитогорского металлургического комбината. В модернизации объектов турецкой гидроэнергетики активно участвуют российские энергомашиностроительные и инжиниринговые компании ОАО «Силовые машины» и ОАО «Технопромэкспорт». Развитие сотрудничества в сфере автомобилестроения привело к развертыванию в Турции сборочной линии российских автомобилей марки «ГАЗ».

В свою очередь, турецкие фирмы, более 20 лет активно работающие на российском строительном рынке, широко привлекались к сооружению объектов спортивной инфраструктуры в Сочи и реконструкции международного аэропорта в Санкт-Петербурге, а в целом по России подрядчиками из Турции на сегодняшний день реализовано контрактов на \$ 50 млрд¹¹. Идут переговоры об увеличении расчетов в национальных валютах в рамках межбанковского сотрудничества, реальный результат которого – выход на турецкий финансовый рынок ведущего российского финансового учреждения – ОАО «Сбербанк», инвестировавшего в этот сектор турецкой экономики \$ 3,6 млрд. Для повышения уровня взаимодействия и углубления связей в культурно-гуманитарной

---

¹¹ Официальные данные, приведенные во время 4-го заседания Совета сотрудничества высшего уровня между Россией и Турцией 22 ноября 2013 г.

сфере создан Российско-турецкий форум общественности, первое полноформатное заседание которого состоялось 20 ноября 2013 г. в Казани.

Поле потенциального сотрудничества между Россией и Турцией в сфере глобальной политики чрезвычайно широко – особенно в контексте кризисного периода, который переживают современные международные отношения. До сих пор так и не завершившийся процесс формирования полицентричной международной системы сопровождается повышением турбулентности экономического и политического развития на глобальном и региональном уровнях, что делает развитие международных отношений все менее предсказуемым. Внешнеполитические доктрины России и Турции сходятся в том, что в условиях глобальной нестабильности и растущей взаимозависимости государств и народов невозможны «оазисы спокойствия и безопасности» и единственно надежной страховкой от возможных потрясений является соблюдение универсальных принципов равной и неделимой безопасности¹². Россия и Турция разделяют обеспокоенность новыми трансграничными вызовами и угрозами, характер и география которых последние годы диверсифицируются: это опасность распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, международный терроризм, неконтролируемый трафик оружия и боевиков, радикализация общественных настроений, провоцирующая религиозный экстремизм и этноконфессиональные антагонизмы, нелегальная миграция, морское пиратство, незаконный оборот наркотиков, коррупция, региональные и внутренние конфликты, дефицит жизненно важных ресурсов, демографические проблемы, гло-

---

¹² См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) // Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт.; Dış Politika. Genel Görünüm // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.tr/genel-gorunum.tr.mfa>; Davutoğlu, Ahmet (Dışişleri Bakanı). 2014 Yılına Girerken Dış Politikamız. Dışişleri Bakanlığı'nın 2014 Mali Yılı Bütçe Tasarısının TBMM Genel Kurulu'na Sunulması Vesilesiyle Hazırlanan Kitapçık // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. [Электронный ресурс] URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2014-yilina-girerken-dis-politikamiz.pdf.

бальная бедность, экологические и санитарно-эпидемиологические вызовы, изменение климата, угрозы информационной и продовольственной безопасности.

И Россия, и Турция расценивают отсутствие четкого механизма, фиксирующего модель современного миропорядка, как одну из главных проблем глобальной системы международных отношений после «холодной войны» (яркий пример – кризис дипломатии международного сдерживания, включая нераспространение ядерного оружия массового уничтожения). Обе страны поддерживают идею укрепления ООН в роли главного арбитра и ключевого игрока современного миропорядка, считают необходимым эффективное использование международных форматов для разрешения вопросов, входящих в зону взаимных интересов¹³, с учетом объективной взаимосвязанности вопросов безопасности, обеспечения устойчивого развития и защиты прав человека.

В своем внешнеполитическом курсе Анкара стремится совместить концепцию блоковой ответственности и солидарности в рамках НАТО с наличием независимой программы на региональном уровне. Для России и Турции как многонациональных и поликонфессиональных государств региональные конфликты на Балканах, на Ближнем Востоке, а также на Кавказе входят в число первоочередных вопросов политики безопасности.

Значительное число международных инициатив, которые продвигает Анкара, пробуксовывают либо не реализуются (подобно уже забытым проектам обогащения иранского урана на турецкой территории, посредничества в переговорах между Сирией и Израилем по статусу Голанских высот, и т.д.). Поэтому взаимодействие России и Турции в условиях меняющейся глобальной системы международных отношений обладает серьезным потенциалом взаимовыгодного сотрудничества.

Экономический и политический вес России и Турции вместе с потенциалом культурно-исторической общности дает двум странам преимущество перед другими игроками в использовании «мягкой силы» на региональном и глобальном уровнях. Анкара

---

¹³ См.: *Давутоглу, Ахмет*. Внешняя политика Турции и Россия // Россия в глобальной политике, 28.02.2010.

видит в этом сферу приложения совместных усилий и создание зоны общей ответственности¹⁴.

Фундаментальный характер и стремительный темп перемен, переживаемых в мире и регионе, наряду с серьезными рисками, создают одновременно и новые возможности. На данном этапе особенно важно качественно повышать уровень взаимопонимания и избегать поспешных шагов. Задача, стоящая перед Москвой и Анкарой – выстроить модель взаимодействия по ключевым международным проблемам и сформулировать принципы поступательного развития двусторонних отношений, которое по ряду аспектов сталкивается с рисками серьезного замедления. В нынешних условиях предсказуемость и последовательность действий обрели особое значение для углубления двустороннего сотрудничества, поскольку дают возможность спрогнозировать поведение и возможную реакцию на изменение международной конъюнктуры. Сведение к минимуму рисков недопонимания прагматических подходов и стратегических приоритетов друг друга давно стало императивом в развитии отношений России и Турции.

---

¹⁴ На пресс-конференции по итогам 4-го заседания Совета сотрудничества высшего уровня 22 ноября 2013 г. в Санкт-Петербурге Р.Т. Эрдоган, говоря о сотрудничестве с Россией на региональном уровне, отметил договоренности об «общих усилиях по созданию почвы для демократических государственных образований» в регионе Ближнего Востока [Пресс-конференция по итогам заседания Совета сотрудничества высшего уровня между Россией и Турцией. 22 ноября 2013 г., Санкт-Петербург. – Официальный сайт Президента России].

Раздел II

Россия и Турция на поле ближневосточной политики

В новейшей истории Ближний Восток – это регион, где ряд государств недвусмысленно заявляют о своих амбициях на региональное лидерство (Турция, Иран, Саудовская Аравия, Египет), а также зона столкновения интересов глобальных игроков. Полицентричность Ближнего Востока, где трудноосуществимо доминирование одного государства, непосредственно сказывается на политике как региональных, так и мировых держав. Взаимодействие России и Турции, специфические подходы внешней политики Москвы и Анкары на ближневосточном направлении хорошо иллюстрируют эту особенность. В прагматическом плане для России Ближний Восток выступает, главным образом, источником вызовов и угроз. Для Турции 2000-х гг., напротив, ББВ – основной полигон реализации внешнеполитических стратегий и амбиций регионального лидерства.

С точки зрения безопасности Ближний Восток – это зона повышенной конфликтности и напряженности, а также отсутствия четко функционирующей международной системы по предотвращению конфликтов и вооруженных столкновений. Попытки создать подобную систему на принципах кооперации между ведущими странами региона пока не увенчались успехом. Несмотря на стремление внедрить западную культуру безопасности и соответствующие модели ее обеспечения, Ближний Восток остается сферой применения главным образом «жесткой силы» с высоким уровнем вмешательства внерегиональных держав. В столь непростых условиях амбициозная политика Турции на Ближнем Востоке, ставшая одной из отличительных черт правления ПСР, сталкивается с серьезными трудностями и ограничениями: Анкара вынуждена учитывать не только расстановку региональных сил, но и

хитросплетения интересов глобальных игроков. Следствием этого лавирования становится концептуальная сопряженность политической линии Турции на Ближнем Востоке с политикой Запада в регионе с ситуативными расхождениями по тактическим вопросам, наблюдаемыми в последние два десятилетия.

Совокупность направлений, в рамках которых интересы Москвы и Анкары на ББВ совпадают, а совместные усилия способны дать позитивный результат, включают создание действенной системы региональной и энергетической безопасности, борьбу с международным терроризмом, обеспечение безопасности в Черном море без участия нечерноморских держав, профилактику межгосударственных конфликтов¹⁵, участие в формировании и деятельности региональных интеграционных институтов и структур (Организации исламского сотрудничества, Ближневосточного банка развития и реконструкции, Экспертного совета для оценки интеграционных проектов и др.).

Сферы, в которых Россия и Турция могли бы действовать скоординировано на ББВ, сосуществуют с проблемными областями, в которых подходы и оценки расходятся, а сотрудничество серьезно затруднено. Диапазон проблемных областей довольно широк и охватывает как конкретные финансово-экономические сюжеты, так и вопросы с политико-правовой и культурно-идеологической доминантой: маршруты транспортировки энерго-ресурсов, обеспечение свободы морского судоходства, определение или самоопределение статуса отдельных территорий, а также «бунтующих» и «мятежных» территорий ББВ и других регионов с компактным проживанием мусульманского населения, урегулирование проблемы Нагорного Карабаха и Кипра. Выработка позитивной повестки на этих направлениях требует от Москвы и Анкары поиска баланса прагматических и ценностных подходов, за которым должны последовать выработка согласованных позиций и выдвижение совместных инициатив.

---

¹⁵ В частности, речь может идти о трениях между ОАЭ и Ираном из-за островов и свободы судоходства в Ормузском проливе; конфликте между Алжиром и Марокко по западносахарской проблеме; противоречиях между Египтом, Суданом и Эфиопией по вопросам хозяйственного использования вод Нила; трениях между странами Междуречья по вопросу использования вод Тигра и Евфрата и т.п.

Вызовы «арабской весны», сирийский кризис и поиски новой модели регионального сотрудничества

Цепь социальных протестов, прокатившихся по странам Ближнего Востока и Северной Африки¹⁶, для Турции – как и для многих других стран – оказалась явлением весьма неожиданным. Внешнеполитическая стратегия и тактика Анкары исходила из того, что существующие в регионе политические режимы обладают достаточной устойчивостью и в обозримом будущем их существованию ничего не угрожает. Подобные оценки, впрочем, были характерны не только для Турции: до 2011 г. едва ли кто мог предвидеть, что копившееся многие годы общественное недовольство выльется в столь стремительный и радикальный по своему характеру и последствиям социальный протест. «Революционные события» на Ближнем и Среднем Востоке, изменив геополитическую конфигурацию региона, подняли его значимость среди внешнеполитических приоритетов региональных и глобальных игроков, для внешнеполитических стратегий которых «арабская весна» стала серьезным испытанием.

В долгосрочной перспективе «арабская весна» могла бы восприниматься Турцией в позитивном ключе, ведь стремление к демократизации и политической либерализации авторитарных режимов и стран региона (а именно в таком ключе события «арабской весны» изначально представлялись в мировом информацион-

---

¹⁶ В дискуссиях о природе социально-политических катаклизмов в арабском мире 2010–2013 гг., охвативших без малого почти два десятка стран региона (активные протесты, приведшие к смене режима или кадровым чисткам в правящей элите – в Тунисе, Египте, Ливии, Бахрейне, Сирии, Йемене, Алжире, Ираке, Иордании, Марокко, Омане; или менее ожесточенные массовые протесты в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане и Западной Сахаре), преобладают два подхода: в рамках одного – акцент делается на влиянии внешнего фактора и инспирировании социальных протестов извне, в рамках другого – упор смещается на внутренние причины и драйверы «арабской весны». Не отрицая значение внешних сил и деятельности западных неправительственных организаций в регионе, стоит признать, что доминирующее значение все же имели внутренние – структурно-демографические факторы.

ном пространстве) должны были укрепить экономические и дипломатические связи Анкары с ближневосточными государствами, повысить привлекательность «турецкой модели» политико-экономического развития, в определенном смысле сделать Турцию «референтной страной» для всего БВВ. Действительно, с точки зрения открытости политического режима и уровня развития демократии «турецкая модель», очевидно, выглядит более привлекательно на фоне политических систем Ирана или Саудовской Аравии, претендующих, как и Турция, на лидерство в регионе. Однако в краткосрочной перспективе малопредсказуемая траектория развития событий в рамках «арабской весны» требует от Анкары постоянной корректировки внешнеполитического курса, эффективность которого на поверку оказалась явно недостаточной, и ставит перед турецкими дипломатами и политиками трудноразрешимые вопросы.

В 2000-е гг. внешнеполитическая стратегия Анкары на Ближнем Востоке опиралась на два принципа – развитие взаимовыгодного сотрудничества с другими странами региона в сфере экономики и укрепление политических связей, залогом которого должны были стать цивилизационно-культурная близость и общемусульманское происхождение (т. н. «цивилизационная геополитика»)¹⁷. В рамках этой стратегии правящая Партия справедливости и развития изначально не нацеливалась на продвижение демократических ценностей (и неизбежно сопряженное с этим умаление национального суверенитета), напротив, ПСР постоянно апеллировала к принципам невмешательства во внутреннюю политику других стран. В долгосрочной перспективе в условиях отсутствия политических катаклизмов подобный подход должен был себя оправдать: поступательное увеличение экономической взаимозависимости, проницаемость межгосударственных границ на фоне облегчения визового режима и, соответственно, высвобождение потоков трудовой миграции между странами региона – все это, в конечном итоге, неизбежно привело бы к эрозии авторитарных политических систем

---

¹⁷ *Bilgin, Pinar*. A return to “Civilizational Geopolitics” in the Mediterranean? Changing Geopolitical Images of the European Union and Turkey in the post-Cold War Era // *Geopolitics*, Vol. 9, No. 2 (2004), p. 269–291.

и их либерализации. Однако еще до «арабской весны» стратегия «мягкой силы» в рамках концепции «стратегической глубины» и установки на «ноль проблем с соседями» столкнулась с традиционной дилеммой ценностно-ориентированного и прагматического подхода во внешней политике.

«Арабская весна» в определенном смысле экстраполировала проблему баланса ценностей и интересов на более широкий контекст. Особенно остро это касалось отношений с Ливией и Сирией: перед Анкарой встал вопрос, какой стратегии придерживаться в отношениях со столь внутренне поляризованными странами, чтобы минимизировать урон своим экономическим интересам – налаженным в 2000-е гг. торгово-экономическим связям, запущенным инвестиционным программам и разрабатываемым проектам. В случае с Ливией и, особенно, с Сирией ПСР должна была выбирать между умеренной стратегией давления на существующий авторитарный режим и поддержкой оппозиции, всерьез угрожающей действующей власти¹⁸.

Правящая элита Турции, в принципе, приветствовала общественную мобилизацию и социальные протесты против авторитарных режимов, благоволила стремлениям гражданского общества арабских стран отстаивать свои политические права. Демократическая риторика давно уже стала неотъемлемой чертой правящей в стране Партии справедливости и развития, и в поддержке протестных движений, борющихся за либерально-демократические ценности, не было ничего удивительного. Однако существовало и другое измерение ближневосточной политики – очевидные экономические интересы в регионе, со странами которого Турция скрупулезно выстраивала взаимовыгодные и добрососедские отношения все последнее десятилетие. Наличие этих интересов заставляло Анкару искать компромисс между поддержкой стабильности, обеспечивающей в краткосрочной перспективе соблюдение финансово-экономических договоренностей, и стремлением выступить главной защитницей демократии, низвергающей авторитарные режимы,

---

¹⁸ Дилемма ценностного и прагматического подходов – отнюдь не уникальная проблема Турции, схожие трудности возникали и у стран ЕС, когда речь шла о странах и регионах, в которых у ЕС существовали долгосрочные и глубокие экономические интересы.

что сулило потери и контрактов, и инвестиций. Ценностно ориентированная внешняя политика требовала однозначной поддержки оппозиционных сил в Тунисе, Египте, Ливии, Сирии и других пораженных «революционной бациллой» арабских странах. Прагматический подход, не отрицая конечной цели в виде установления демократии, ориентировался на постепенный процесс трансформации, которая гарантировала бы сохранение стабильности и преемственности, жизненно важных для защиты экономических интересов Турции в регионе.

В 2010–2014 гг. можно было наблюдать, как внешнеполитический курс Анкары колеблется между двумя трудносовместимыми императивами – продвижением демократических ценностей и защитой своих прагматических интересов. Этими квазиидеологическими метаниями отчасти объясняются и достаточно резкие перемены в официальной позиции Анкары, и бросающиеся в глаза различия в трактовках и подходах правительства ПСР к событиям в ключевых странах региона – Египте, Ливии и Сирии.

Динамика внешнеполитической активности Анкары на Ближнем и Среднем Востоке в контексте «арабской весны» представляется в виде синусоиды с различимыми пятью стадиями-периодами. На первой стадии (конец 2010 – начало 2011 г.) Анкара придерживалась осторожного нейтралитета, на словах выражая поддержку «арабскому пробуждению» и открытию новых возможностей для политической либерализации и демократических реформ. Осторожность Анкары объяснялась угрозами экономическим интересам Турции и высокой степенью турецкого «присутствия» в регионе (особенно это касалось Ливии, где только в области строительства действовало 200 турецких компаний, а количество рабочих и специалистов из Турции составляло более 20 тыс.; общее число совместных проектов на начало 2011 г. превышало 300, а объем подписанных контрактов – \$ 25 млрд¹⁹). На первом этапе Анкара

---

¹⁹ Türkiye ve Libya Ekonomik-Ticari İlişkiler Bilgi Notu, 04.07.2012 // Türkiye Cumhuriyeti Trablus Büyükelçiliği (Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı). [Электронный ресурс] URL: <http://trablus.be.mfa.gov.tr/ShowInfoNotes.aspx?ID=157183>; Türkiye – Libya Ekonomi ve Ticari İlişkileri // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.tr/sub.tr.mfa?c67c8a27-d1e5-40f3-bc18-d8287b8f6e7b>.

не выражала готовности полностью поддержать международное давление на режимы Хосни Мубарака и Муаммара Каддафи, довольно критически расценивала активность НАТО. Начало второй стадии включения Турции в контекст «арабской весны» обозначилось согласием Анкары на участие в интервенции сил НАТО в Ливию²⁰. Эту стадию можно охарактеризовать как вынужденное участие, обусловленное блоковой дисциплиной. Действительно, хотя Анкара и подключилась к международной операции в Ливии, ее непосредственное участие было минимальным и в целом расценивалось как пассивное. На сирийском направлении Анкара проявила большую активность, однако на тот момент ее действия сводились лишь к оказанию давления на режим Башара Асада с целью принуждения его к демократическим реформам и уступкам оппозиции. Поскольку хронологически эта вторая стадия пришлась на весну-лето 2011 г. – завершающую фазу выборной кампании в межджлис, турецкую политическую элиту заботили, прежде всего, внутривнутриполитические проблемы и, учитывая традиционно тесную взаимосвязь внешней политики с внутривнутриполитической борьбой (степень этой зависимости в Турции существенно выше, чем в других странах региона), – и правящая партия, и оппозиция не склонны были выступать с радикальными внешнеполитическими инициативами.

Парламентские выборы 12 июня 2011 г. завершились уверенной победой ПСР Реджепа Эрдогана, набравшей без малого 50% голосов, и правящий режим почувствовал в себе силы и возможности перейти к более решительным внешнеполитическим мерам²¹. Здесь условно можно говорить о третьем этапе включения Турции в события «арабской весны», характерными чертами которого стали выход Анкары с самостоятельными инициативами и ее стремлением вырваться в авангард участников политических процессов на Ближнем Востоке. В это время Турция начинает активно критиковать Израиль, особенно в свете публикации доклада ООН по итогам расследования событий лета 2010 г. и инцидента с «Флотилией

---

²⁰ Турция присоединится к операции против Каддафи // Lenta.ru, 24/03/2011.

²¹ О выборах 2011 г. и внутривнутриполитической борьбе в Турции см.: Шлыков П.В. Турция после выборов 2011 г.: парадоксы политического развития // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение, № 3, 2012, с. 3–28.

мира», выводы которого Анкара сочла предвзятыми. Кульминацией третьего этапа стал сентябрьский визит Реджепа Эрдогана в Египет, усиление давления на Башара Асада и переход к более жесткой критике сирийского режима. Примерно с конца 2011 г. Турция снижает уровень внешнеполитической активности, приведшей, в том числе, и к обострению внутривосточной борьбы и обвинениям со стороны оппозиции в неоправданной активности правительства. Ответная реакция Дамаска выразилась не только в свертывании экономического сотрудничества, но и поддержке боевиков из Рабочей партии Курдистана (РПК), противостояние турецких сил с которыми вновь вступило в горячую фазу. Для четвертого этапа, по времени растянувшегося практически на весь 2012 и 2013 гг., характерны отход от односторонней активности и стремление действовать в рамках коалиций (в сотрудничестве с НАТО, ЕС и ЛАГ): Анкара солидаризуется с ЕС в установлении режима санкций против Сирии и поддерживает позицию НАТО по ужесточению политики в отношении Ирана²². С конца 2013 г. можно говорить о пятом цикле, совпавшем с обострением внутривосточной ситуации в Турции – громким коррупционным скандалом декабря 2013 г., крупными перетасовками состава кабинета министров, силовых ведомств и судейского корпуса. Этот этап стал логическим продолжением готовности «нажать на тормоза»²³, которая объяснялась тем, что правительство ПСР пришло к осознанию поспешности политики «глубокого погружения» в непредсказуемые процессы в регионе. Анкаре пришлось признать, что она существенно переоценила возможности своих рычагов влияния на ситуацию (в том числе и недооценив устойчивость сирийского режима). Для 2014 г. стало характерным публичное переосмысление внешнеполитического курса на Ближнем Востоке в контексте «арабской весны»: в риторике политиков зазвучали сомнения в том, что в сирийском конфликте Турция оказалась «на правильной стороне истории». Сначала министр иностранных дел Давутоглу в середине января 2014 г. заявил, что режим Башара

---

²² Здесь стоит отметить, что на фоне определенного потепления отношений между Анкарой и Вашингтоном в 2011–2012 гг. отношения Турции с ЕС в целом и Францией в особенности развивались в негативном ключе.

²³ *Birand, Mehmet Ali. Türkiye, Suriye’de frene basıyor... // Milliyet, 27/09/2012.*

Асада можно назвать «меньшим злом» по сравнению с методами действий радикальных группировок в Сирии²⁴. А затем и президент Гюль на встрече с аккредитованными за границей турецкими послами отметил, что Турция должна пересмотреть свою дипломатию и политику безопасности в отношении Сирии, приложить усилия к поиску «взаимовыгодной» стратегической линии на Среднем Востоке, осуществлять «терпеливую, хладнокровную и настойчивую политику»²⁵.

На контрасте с колебательной динамикой политического курса Анкары, синхронизированного с широкой международной поддержкой «арабских революций», позиция России и ее ближневосточная политика оказалась последовательно контрфорсной. За что российскую дипломатию – особенно в контексте сирийского кризиса – активно критиковали в Турции и в большинстве стран Запада, объясняя ее якобы желанием Москвы сохранить «последнего союзника» на Ближнем Востоке. Действительно, до развала Советского Союза Сирия фактически выступала в роли основного союзника СССР в регионе (особенно после прихода к власти в Египте Анвара Садата, «переориентировавшегося» на США). На протяжении трех десятилетий – с 1960-х гг. до начала 1990-х гг. – отношения Москвы с Дамаском были почти союзническими. В 1980 г. две страны даже заключили договор о взаимных консультациях в случае возникновения угрозы миру. В то время в Сирии общее число военных советников вместе с техническим персоналом и гражданских специалистов из СССР доходило до 6 тыс. Однако все это – реалии советского периода. Еще в 1990 г. Москва фактически самоустранилась от геополитического соперничества в регионе – символом чего стал отказ от конкретных шагов по воспрепятствованию коалиции во главе с США разбить войска Саддама Хусейна в ходе первой Войны в Заливе (17 января – 28 февраля 1991 г.). Последние двадцать с небольшим лет присутствие России в регионе БВВ реализо-

---

²⁴ Davutoğlu: Esad rejimine 'ehvenişer' denilecek noktaya gelindi // Hürriyet, 09/01/2014; Davutoğlu clarifies 'Assad lesser evil' statement // Today's Zaman, 10/01/2014; Турция может изменить отношение к Асаду // Голос России, 13/01/2014.

²⁵ Köşk'te Büyükelçiler Konferansı // Akşam, 14/01/2014; Доктрина Турции «ноль проблем с соседями» и «арабская весна» // Голос России, 17/01/2014.

вывалось в другом формате, содержательно и сущностно отличным от прежнего, а диапазон отстаиваемых интересов сузился до коммерческих предпочтений, озабоченности относительно поддержки террористической активности на Кавказе, внимания к духовным ценностям Святой земли и привлекательности курортов.

В новых реалиях постбиполярного мира в политике Москвы на ближневосточном направлении выходит на передний план озабоченность проблемами международного устройства. На всех этапах «арабского пробуждения» приоритетом внешней политики России было осознание глобальной ответственности. Многие ошибочно увидели в этом рецидив имперской логики, а в последующем – в Сирии – попытку любой ценой сохранить за собой рынки вооружений и базу в Тартусе, которая на самом деле представляет собой пункт материально-технического снабжения (два плавучих причала и склад ГСМ с ремонтной бригадой на берегу).

Концептуальные отличия в подходах Москвы к «арабской весне», низвергнувшей диктаторский режим Мубарака и авторитарных правителей в Тунисе, Йемене и Ливии, отражаются в дискурсе не только российской политической элиты, но и значительной части экспертов, увидевших в характере и направленности процессов «исламистскую революцию», суть которой – приход к власти на место свергнутых светских режимов исламистов, религиозных радикалов и союзников Аль-Каиды²⁶. И если европейцы и американцы расценивали события в арабском мире как повторение демократических «революционных волн», прокатившихся по Европе в 1848 и 1989 гг., россияне находили в них параллели с собственной революцией 1917 г.²⁷ Неслучайно глава российского МИД Лавров назвал разговоры об «арабской весне» и демократии «детским садом»²⁸.

---

²⁶ *Мирский Г.* Когда обруч лопнул // Независимая газета, 07/09/2011.

²⁷ *Тренин Д.* Россия и Кризис в Сирии. М.: Карнеги, 2013, с. 16.

²⁸ «Нельзя просто наивно говорить – вот арабская весна, демократизация, стремление народов к лучшей жизни – ну это детский сад. Серьезный политический анализ явно в дефиците», – из выступления министра иностранных дел России С.В. Лаврова перед журналистами [*РБК*, 22/12/2012].

Позиция России в отношении стран, переживших «арабскую весну», опирается на принципы уважения международного права и суверенитета – т. е. систему устоявшихся взглядов на миропорядок, в рамках которых смена режима внешними силами²⁹ рассматривается как фактор дестабилизации, вмешательство в гражданское противостояние на территории третьих стран считается контрпродуктивным, а военная интервенция – чрезвычайной и исключительной мерой. Все это емко выражается в одной из формул внешней политики России, неоднократно звучавшей из уст Сергея Лаврова: «Мы не участвуем в игре по смене режимов...»³⁰. Поэтому уже на начальной стадии «арабского пробуждения» в качестве единственного приемлемого пути разрешения возникших конфликтов Россия выдвинула идею диалога и старалась последовательно отстаивать свою позицию, что оказалось крайне важно и достаточно продуктивно для урегулирования внутреннего конфликта в Сирии. Россия настойчиво выступала за созыв без предварительных условий новой женевской конференции по Сирии с участием всех сторон конфликта и привлечением крупных региональных центров силы – Ирана и Саудовской Аравии³¹. Инерция вооруженной борьбы и полифония интересов воюющих исламских экстремистов сделали урегулирование сирийского кризиса на основе приоритетов глобальной и региональной безопасности практически невозможным. Свержение Асада с помощью прямого

---

²⁹ Конечно, сама «сменорегимная стратегия» – явление не новое, примеры ее имели место и в период «холодной войны», задолго до американских проектов «демократизации путем насильственной смены режима». Однако в прошлом «смена режима» осуществлялась не путем масштабной военной акции, а преимущественно с помощью операций спецслужб. Так, к примеру, смещали лидеров Ирана, Гватемалы, пытались свергнуть Гамалея Абделя Насера, Фиделя Кастро [См.: *Наумкин В.В.* Снизу вверх и обратно // *Россия в глобальной политике*, 02.08.2011].

³⁰ Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова британской телерадиокорпорации Би-Би-си, Москва, 7 марта 2013 г. // Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт.

³¹ Даже европейцы в 2013 г. стали признавать, что переговоры – главный, если не единственный ключ к решению сирийской проблемы, о чем говорит статья Хавьера Соланы и Яапа де Схеффера в «Интернэшнэл геральд трибюн», опубликованная в середине июня 2013 г. [Geneva Talks Hold the Only Key to Syria // *International Herald Tribune*, 12/06/2013].

или косвенного участия внешних сил существенно облегчило бы задачу экстремистов, делающих ставку на «талибанизацию» Ближнего Востока.

Совокупность несовпадающих интересов и подходов к ближневосточным проблемам существенно осложняет взаимодействие Москвы и Анкары на этом направлении. Однако очевидная заинтересованность в урегулировании затянувшегося конфликта в Сирии, угрожающего безопасности Турции, нежелания прямого вовлечения в сирийские события на стороне оппозиции склоняют турецкий политический класс к переосмыслению своей позиции и роли в урегулировании сирийского кризиса. С начала 2014 г. в Турции все сильнее обостряется борьба вокруг сирийской политики, индикатором чего явились высказывания президента Гюля, экс-министра иностранных дел Турции Яшара Якыша и других политиков³².

Как показали события осени 2013 г., подходы Москвы и Анкары к возможным путям решения сирийской проблемы по сути близки. Россия и Турция разделяют озабоченность судьбой Сирии, обе страны заявляют о своей приверженности урегулированию кризиса путем переговоров, ответственности международного сообщества, важности сохранения территориальной целостности и единства Сирии, необходимости прекратить кровопролитие и предоставить сирийскому народу возможность самостоятельно определять политическое будущее своей страны. Однако при этом сохраняются разногласия в подходах к сирийскому кризису, затрудняющие взаимодействие России и Турции: на переднем фланге этих противоречий – разное отношение к вопросу о будущем президента Сирии Башара Асада. Москва критически оценивает деятельность «Группы друзей Сирии», в которой одним из главных организаторов и наиболее активных участников выступает Турция, и видит в этом международном формате деструктивный механизм, направленный на изоляцию одной из противоборствующих сторон (правительства Башара Асада) и очевидно ограничивающий возможности диалога.

---

³² Yaşar Yakış AKP'nin Suriye Politikasını Yerden Yere Vurdu // Aktif Haber, 11/01/2014.

При совпадении конечных целей и сходстве стратегических подходов к сирийскому кризису Москва и Анкара расходятся в оценках и способах решения проблем. Так, Москва и Анкара придерживаются разных точек зрения по инциденту с применением химического оружия в Сирии в августе 2013 г. Турция обвиняет сирийские власти в незаконных химических атаках, в то время как Россия считает подобные обвинения необоснованными и лишенными доказательной базы. Наметившаяся в конце лета 2013 г. тенденция эскалации военной напряженности вокруг Сирии была фактически снята российско-американскими договоренностями сентября 2013 г. по выводу из Сирии химического оружия и его ликвидации под международным контролем. Это увеличило шансы на выход из сирийского кризиса дипломатическим путем.

В конце 2013 – начале 2014 г. Россия и Турция активно участвовали в подготовке второй международной конференции по Сирии под эгидой ООН в Женеве. Россия выступала за начало внутрисирийского диалога без предварительных условий с участием представителей сирийского правительства и оппозиционных групп в соответствии с положениями Женевского коммюнике (30 июня 2012 г.). Анкара поддержала идею проведения конференции, однако считала, что Башар Асад утратил легитимность и должен быть вычеркнут из политического будущего Сирии. Еще одним свидетельством того, что у России и Турции сохраняются разногласия по Сирии, стали итоги переговоров на высшем уровне в рамках четвертого заседания российско-турецкого Совета сотрудничества высшего уровня в ноябре 2013 г.: официально признав возможность совместной работы по подготовке конференции в Женеве, Москва и Анкара вновь не сошлись в подходах к оценке действующего правительства Сирии.

Ситуация вокруг Сирии обнажила уязвимые стороны существующей модели российско-турецкого сотрудничества и партнерства, выведя на совершенно новый уровень проблему дефицита доверия и стратегии по ее преодолению. В этом ключе представляется крайне важной более четкая идентификация общих интересов и вызовов на обширном пространстве БВВ. Для России и Турции они группируются вокруг вопросов обеспечения стратегической безопасности (минимизация рисков охлаждения отношений с основными партнерами –

США и ЕС – и важными региональными игроками – Саудовской Аравией, Катаром и т.п.), а также более конкретных задач по борьбе с распространением радикального ислама и связанных с ним угроз (укрепления инфраструктуры терроризма, бесконтрольного распространения ОМУ и т.д.).

Несмотря на известные различия в подходах к «Арабскому пробуждению», и Россия, и Турция высказывают солидарную позицию в вопросе о необходимости прихода к власти в странах «арабских революций» стабильных и легитимных режимов, сосредоточенных на внутреннем развитии своих стран, а не экспорте радикализма. Ведь использование Турции как транзитной зоны для экспорта джихадистов в Сирию, «серые» поставки оружия сирийской оппозиции³³ – за что Анкару критикуют как в России, так и на Западе – содержат в себе реальную угрозу международной безопасности. В перспективе воюющие против Асада силы могут использовать отработанный «турецкий канал» как реверсивный транзитный коридор, что создает реальные риски радикализации внутривнутриполитической ситуации в самой Турции.

Важной сферой сопряжения интересов Москвы и Анкары в регионе ББВ, актуализировавшейся в контексте обострения общественных отношений, является защита единоверцев. На этом направлении у России и Турции должно быть очевидное взаимопонимание, учитывая традиционную позицию Анкары в отношении российских мусульман и крымско-татарского населения Крыма, а также все возрастающий вес религиозной идентичности в политической жизни Турции³⁴. В сегодняшней России религия отводится важное место не только в вопросе национальной идентичности, но и во внешней политике – религиозная этика становится одной из основ внешнеполитического курса, в «духовно-

---

³³ Турцию изобличили в поставках оружия сирийским мятежникам // Независимая газета, 18/12/2013.

Согласно базе данных ООН по международной торговле (*U.N. Comtrade*), с июня по октябрь 2013 г. турецкие контрагенты поставили сирийским ополченцам 47 тонн вооружения.

³⁴ См.: Шлыков П.В. Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности // Вестник Московского университета. Серия 13 «Востоковедение», № 4, 2008, с. 56–79.

нравственном знаменателе» которого должны быть «выверенные тысячелетиями традиции, общие для основных мировых религий»³⁵. Неслучайно Россия официально выражает столь глубокую озабоченность относительно безопасности и прав христианских меньшинств на Ближнем Востоке и говорит о том, что «практика, которую сейчас применяют потомки европейских христиан в сфере прав человека, все больше доказывает, что истина лежит не там»³⁶.

Иранская проблема в контексте российско-турецких отношений

Иран – ключевое государство обширного геополитического пространства ББВ, которое, даже находясь под жесткими экономическими санкциями Запада, сохраняет за собой этот статус. Фактор Ирана – неотъемлемый элемент ключевых международных вопросов: от ядерного нераспространения, ближневосточного урегулирования и «арабского пробуждения» до режима Каспийского моря, энергетической безопасности и политических катаклизмов в Центральной Азии. Более того, на шкале геополитического влияния позиции Тегерана явно возросли в свете политической турбулентности, охватившей крупнейшие страны региона, в том числе давнего соперника Ирана – Египет.

Политика Москвы в отношении Ирана за последние двадцать лет отличалась определенной последовательностью и предсказуемостью. Сходясь с Западом в вопросе неприемлемости превращения Ирана в ядерную державу, Москва серьезно расходится с Вашингтоном и Брюсселем в стратегическом видении

---

³⁵ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на юбилейной международной конференции «Россия в мире силы XXI века», приуроченной к 20-летию Совета по внешней и оборонной политике и 10-летию журнала «Россия в глобальной политике», Москва, 1 декабря 2012 г. // Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт.

³⁶ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на Заседании Совета Международной общественной организации «Императорского Православного Палестинского Общества» в Центре ИППО, Москва, 28 ноября 2012 г. // Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт.

необходимых и эффективных средств воздействия на Иран³⁷, считая, что оборотная сторона политики санкций – усиление иранских радикалов и пропорциональное ослабление прагматично настроенных политиков.

Внешнеполитический курс Турции на иранском направлении за последнее десятилетие, наоборот, колебался в достаточно широком диапазоне: от инициатив помощи Ирану в достижении компромисса с Западом и международным сообществом по иранской ядерной программе до размещения американских противоракетных систем в качестве щита от иранских ракет. Для Анкары иранская ядерная программа – доминантная военно-политическая угроза в регионе ББВ. Турция видит в стремлении Тегерана расширить потенциал и повысить эффективность высокоточных и самонаводящихся ракет³⁸ попытку уравновесить существующее соотношение военного потенциала стран ближневосточного региона. Более того, активное развитие стратегических вооружений в Иране способствует новому витку в гонке вооружений среди ключевых стран ББВ, что способствует общей дестабилизации региона. Еще в 2011 г. один из самых влиятельных представителей политической элиты Саудовской Аравии принц Турки аль-Фейсал, возглавлявший на протяжении многих лет саудовскую разведку, отмечал «неприемлемость ситуации, когда у Тегерана есть ядерное оружие, а у Эр-Рияда – нет... и, в случае обретения Ираном статуса ядерной державы, Саудовская Аравия обязательно последует его примеру»³⁹. Угроза «эффекта домино» в распространении ядерного оружия, последние годы обретающая все более четкие очертания, означает крушение

---

³⁷ Как отметил В.В. Путин в своей программной статье «Россия и меняющийся мир»: «Запад слишком увлекся “наказанием” отдельных стран. Чуть что – хватается за санкционную, а то и за военную дубину» [*Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости, 27/02/2012*].

³⁸ US – Iranian Competition in the Gulf Military Balance – II: The Missile and Nuclear Dimensions (10th Edition), CSIS, Washington D.C., 2012. p. V.

³⁹ Saudi Arabia Strategic Weapons Systems // Jane’s Sentinel Security Assessment-The Gulf States, Jun 2012.

Понятно, что имеется в виду не разработка атомной бомбы, а импорт готового ядерного комплекса (например, из Пакистана, о чем еще во времена Мухаммеда Зия-уль-Хака были соответствующие договоренности).

не только установленного ДНЯО баланса сил, но и модели безъядерного Ближнего Востока, на которой строится внешнеполитическая стратегия и концепция стратегической безопасности Турции. В этом контексте и без того сложная реализация таких соглашений, как Конвенция о запрещении химического оружия или Конвенция о биологическом оружии на ББВ рискует окончательно провалиться, что приведет к нивелированию военно-стратегических преимуществ Турции как члена НАТО.

Геополитически Турция и Иран – две крупные региональные державы, предлагающие странам Ближнего Востока и, в целом, арабского мира две различные политические модели. Анкара и Тегеран соперничают в целом ряде стран региона (в Ираке, секторе Газа и т.д.), а в некоторых – открыто противостоят друг другу (как, например, в Сирии). Россия в настоящее время обладает весьма ограниченными ресурсами для активного вовлечения в ближневосточные дела, но участвует в переговорном процессе и поиске взаимоприемлемого решения иранской ядерной программы в формате «пять плюс один» и в рамках двухсторонних отношений⁴⁰, а также поддерживает идею включения Тегерана в систему региональной безопасности. За стремлением Ирана к обладанию ядерными технологиями стоят императивы обеспечения реального суверенитета во всех его проявлениях и сохранения геополитического веса на региональном и глобальном уровнях. Тегеран не видит иных гарантий от внешнего вмешательства и незавидной судьбы Ирака, Ливии, Сирии и Египта, кроме как обретение ядерного статуса. Напряженность вокруг Ирана – фрагмент общего конфликтного пространства, охватывающего обширный регион ББВ. И «иранский кризис» необходимо рассматривать и решать в контексте других региональных проблем через формирование климата доверия, безопасности и стабильности. Все это может выступать потенциальной сферой сотрудничества между Россией и Турцией, учитывая заинтересованность Анкары в урегулировании острых проблем вокруг Ирана.

---

⁴⁰ Примером инициатив на двустороннем треке может служить «план Лаврова», предусматривающий признание права Ирана на развитие гражданской ядерной программы под всесторонним контролем МАГАТЭ и синхронную отмену всех санкций [План Лаврова для спасения Ирана // Независимая газета, 16/08/2011].

Россия, непосредственно участвующая в переговорном процессе по иранской ядерной программе в формате «пять плюс один», и Турция декларируют схожие подходы к решению иранской ядерной проблемы: обе страны считают переговоры единственно возможным путем выхода из кризиса, выступают против ужесточения санкционного режима и практики односторонних санкций в отношении Тегерана, при этом поддерживают право Ирана на развитие мирного атома с условием соблюдения всех норм режима ядерного нераспространения.

Приход к власти в Иране нового руководства во главе с президентом Хасаном Рухани, победившим на выборах в июне 2013 г., вызвал ожидания качественного прорыва в решении проблемы иранской ядерной программы и эскалации напряженности вокруг Ирана. Практикуемый долгое время усеченный вариант переговорного процесса с Тегераном, сведенный практически исключительно к техническим деталям ядерной программы, давно уже превратился в игру с нулевой суммой: ожидаемый отказ от уступок по конкретным техническим вопросам, за которым следует ужесточение санкций.

Последний раунд переговоров «шестерки» с Ираном в конце ноября 2013 г. впервые за последние десять лет позволил сторонам прийти к соглашению, в основе которого лежит предложенный Россией принцип поэтапности и взаимности. Международные посредники согласились с необходимостью признать право Ирана на мирный атом при условии постановки ядерной программы под строжайший контроль МАГАТЭ. Обязательство Ирана заморозить свою ядерную программу на срок в шесть месяцев и нейтрализовать запас урана, обогащенного до 20%, позволит ослабить санкционное давление на Иран. Москва и Анкара приветствовали достигнутую договоренность, выразив солидарное мнение о том, что она является первым шагом на непростом пути, способствует повышению доверия и требует дальнейших конструктивных шагов сторон. Россия и Турция также подтвердили приверженность идее создания на Ближнем Востоке зоны, свободной от ядерного оружия.

На нынешнем этапе существенным представляется расширение тематики диалога «шестерки» с Ираном (по вопросам

региональной безопасности и нераспространения ОМУ, борьбы с незаконным оборотом наркотиков, помощи беженцам, афганской проблематике и т.д.), подключение Ирана к разным форматам международного сотрудничества. Учитывая новую динамику политического развития Ирана, Москва как традиционный член ближневосточного мирного процесса и Анкара могли бы выработать многоэтапную программу подключения Тегерана к решению всего комплекса региональных проблем и созданию системы ближневосточной региональной безопасности. Иран – важный центр силы на Ближнем Востоке, без участия которого решать какие-либо серьезные проблемы региона затруднительно и малопродуктивно. Опыт женевских конференций («Женева–1» и «Женева–2») по урегулированию конфликта в Сирии без участия Тегерана – во многом подтверждает этот тезис. Тем более, что сегодня стало возможно говорить о новом Иране, в котором априорная конфронтация в западном мире сменилась установкой на компромиссный диалог и поиск взаимовыгодных решений.

Иракское направление и курдский вопрос в контексте российско-турецких отношений

На иракском направлении большую часть 2000-х гг. позиции России и Турции были относительно близки. Анкара, как и Москва, выступала против американского вторжения в Ирак в 2003 г. (вопреки принципам натовской солидарности турецкий парламент в последний момент даже запретил использовать территорию Турции для нанесения ударов по Ираку), поддерживала идею сохранения единства Ирака после свержения Саддама Хусейна и ведущую роль ООН в послевоенном урегулировании. Даже риторика лидеров двух стран по иракскому вопросу выглядела очень близкой: озабоченность сохранением режима оккупации, радикализацией иракского общества и ростом террористической активности.

Во второй половине 2000-х гг. Анкара стремилась развивать разносторонние связи с Багдадом, налаживая диалог с представителями противоположных политических сил и этноконфессио-

нальных группировок. Во внешнеполитической стратегии Турции Ирак на тот момент постепенно превращался в источник новых возможностей, что затеняло репутацию последнего как зоны террористических угроз и повстанческого лагеря Рабочей партии Курдистана (РПК); за неофициальными контактами с представителями Курдского регионального правительства последовали встречи Ахмета Давутоглу и Масуда Барзани (2009), открытие консульства в Эрбиле – столице Курдского автономного района – с участием самого Реджепа Эрдогана (2011). Развивая отношения не только с суннитскими, но и шиитскими лидерами (Муктада ас-Садром, Аммаром аль-Хакимом, Али Систани), Турция даже выступала с позиций примирения шиитов и суннитов. «Я не суннит и не шиит, я – мусульманин», – говорил во время посещения Неджефа Эрдоган⁴¹.

После парламентских выборов 2010 г. и вывода американских войск в 2011 г. политическая ситуация в Ираке серьезно изменилась, наметилось обострение внутренних противоречий: премьер Малики начал консолидировать властные полномочия в своих руках, инициировал уголовное преследование видных политиков (Тарика Хашеми, Салеха Мутлака, Рафи Иссави), предпринял шаги по централизации контроля над сферой энергетики без учета интересов регионального правительства Иракского Курдистана, выступил с инициативой подчинения *пешимерга* (военизированных формирований в Иракском Курдистане) иракской армии и расширения контроля над нефтеносным Киркуком, статус которого по конституции 2005 г. не был четко определен. В тот же период, пользуясь брешью в конституции, Эрбиль подписал соглашения с международными компаниями по проектам развития энергетического сектора в регионе. Эти события непосредственно отразились на характере турецко-иракских отношений и их экономических связях, специфика которых на сегодняшний день состоит в четком районировании: значительный объем сотрудничества с Турцией приходится на долю Курдского автономного района. Только по официальным данным, озвученным министром иностранных дел Турции Ахмедом Давутоглу, более 70% турецкого экспорта в Ирак

---

⁴¹ *Sabah*, 29/03/2011.

приходится на курдские районы⁴². Летом 2012 г. из-за разногласий между Эрбилем и Багдадом по вопросу распределения прибылей экспорт иракской нефти по трубопроводу Киркук-Джейхан был заморожен, и Анкара – по соглашению о сотрудничестве в энергетической сфере, заключенному в мае 2013 г. – стала закупать энергоресурсы напрямую у правительства Иракского Курдистана, используя наземную транспортировку сырой нефти автоцистернами в турецкие порты взамен на экспорт продуктов конечной нефтепереработки в Иракский Курдистан. Официальный Багдад назвал эти шаги незаконными и пригрозил аннулировать контракты турецкой национальной нефтекомпании “*Türkiye Petrolleri Anonim Ortaklığı*” (ТРАО), которая сейчас активно ведет разработку участков четырех нефтегазовых месторождений на территории Ирака, доставшихся ей по итогам тендеров, которые, по прогнозам министра энергетики Турции Танера Йылдыза, позволят Анкаре в 2016 г. или 2017 г. закупать нефть из новых месторождений в объеме от 80 до 100 тыс. баррелей в день. Однако на фоне очевидного нарастания напряженности Анкара и Эрбиль готовятся уже к следующему шагу – запуску нефтепровода, соединяющего Иракский Курдистан с Турцией, и строительству второй ветки трубопровода⁴³. Первоначальная мощность трубопровода должна составить 300 тыс. баррелей в сутки с перспективой увеличения до 1 млн. баррелей, что покроеет значительную часть потребностей Турции в сырой нефти, составляющих 28–29 млн. тонн в год⁴⁴.

Сирийский кризис окончательно перечеркнул наметившееся в 2000-е гг. позитивные тенденции в турецко-иракских отношениях. В официальных выступлениях Малики Турция стала фигурировать как внешняя угроза и страна, интересы которой расходятся

---

⁴² *Davutoğlu, Ahmet* (Dışişleri Bakanı). 2013 Yılına Girenken Dış Politikamız. Dışişleri Bakanlığı'nın 2013 Mali Yılı Bütçe Tasarısının TBMM Genel Kurulu'na Sunulması Vesilesiyle Hazırlanan Kitapçık. Ankara, 2012, s. 71. [Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. [Электронный ресурс] URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/butce_2013.pdf].

⁴³ K. Irak petrolüne yeni hat kurulacak // *Milliyet*, 20/02/2014; DNO'dan Türkiye Sınırına İkinci Boru Hattı. Norveçli enerji şirketi DNO, K.Irak'tan Türkiye sınırına ikinci bir boru hattı inşa edecek // *Dünya Gazetesi*, 20/02/2014.

⁴⁴ *Hampetrol ve Doğal Gaz Sektör Raporu*. Ankara: Türkiye Petrolleri A.O. Genel Müdürlüğü, 2013.

с интересами Арабского мира. Публичная критика Эрдогана способствовала дальнейшему охлаждению между Багдадом и Анкарой, в глазах которой официальный Ирак стал наряду с Ираном составным элементом негласной антитурецкой шиитской коалиции. Между тем, напряженность в отношениях Багдада и Анкары, детерминированная внутривосточной конъюнктурой и динамикой развития региональных проблем, очевидно, не отвечает долгосрочным интересам двух стран. Багдад теряет в лице Турции важного союзника, а Анкара – ключевой плацдарм для реализации амбиций регионального игрока и возможности влиять на ситуацию на БВВ, в том числе и на поиск выхода из шиитско-суннитского противостояния.

На арене региональных проблем Ближнего Востока конфликт суннитов и шиитов демонстрирует динамику возрастающего обострения. На иракском направлении эта тенденция ощущается с особой остротой. Турция, фактически окруженная «шиитским поясом» на Ближнем Востоке (Иран – лидер шиитского мира, Ирак – страна шиитского большинства, в Сирии – ключевом союзнике Тегерана – три года идет гражданская война между суннитами и алавитами), оказывается вовлеченной в шиитско-суннитское противостояние.

В Ираке градус конфликтности между шиитами, контролирующими правительство, и суннитами повышается параллельно росту напряженности между Багдадом и Эрбилем, связанной с полномочиями на освоение природных ресурсов Курдского автономного региона и распределением нефтяных доходов. Анкара сделала выбор в пользу отношений с суннитами и иракскими курдами, в то время как официальный Багдад предпочел развивать тесные связи с Ираном, позволяя использовать иракскую территорию для снабжения оружием сирийской армии и поддержки режима Башара Асада. Все это привело к тому, что в 2012–2013 гг. отношения между Турцией и Ираком развивались по нисходящей траектории. На фоне «дела Хашеми» (бывшего вице-президента Ирака, получившего политическое убежище в Турции – суннита по своей религиозной принадлежности), а также в условиях продолжавшегося конфликта в Сирии, где Турция и Ирак оказались по разные стороны линии противостояния, Анкара и Багдад обменивались резкими заявлениями, обвинениями и угрозами. Однако осенью 2013 г. ситуация

в турецко-иракских отношениях стала меняться, приобретая позитивную динамику: началась «перезагрузка» между Анкарой и Багдадом. Было объявлено о создании механизма консультаций по сирийской проблеме и о намерении активизировать все направления двусторонних отношений, «в последнее время переживающих застой, вызванный конъюнктурными причинами»⁴⁵.

В ряду геополитических интересов России иракское направление в самых разных аспектах – от военно-политических до экономических – находилось в фокусе внимания: шел сложный процесс выработки новых подходов и стратегий. В последние годы Москва, подобно Анкаре, активизировала развитие связей с курдской автономией в Ираке. Еще в 2007 г. по согласованию с Багдадом в Эрбиле было открыто Генеральное консульство России, которое, следуя официальной риторике, должно было решать задачу развития разнопланового сотрудничества с Ираком, в том числе на региональном уровне. Таким образом, Россия стала вторым после Ирана государством, открывшим в иракском Курдистане консульство (другие страны на тот момент имели в Эрбиле только представительства).

Наличие связей одновременно с Багдадом и иракскими курдами позволяет России поддерживать сбалансированный формат сотрудничества с Ираком в целом и с Курдской автономией. Цепь событий последних лет свидетельствует о взаимной заинтересованности России и иракских курдов в развитии энергетического сотрудничества. С 2012 г. на нефтегазовом рынке Курдского автономного района присутствует российская компания «Газпром», через свою дочернюю компанию «Газпром нефть» заключившая с Эрбилем три соглашения об участии в эксплуатации месторождений, расположенных на территории Курдистана. «Газпром нефть» стала первой российской компанией, начавшей энергетическое сотрудничество с Иракским Курдистаном. При этом «Газпром нефть» работает также на месторождении Бадра, находящем-

---

⁴⁵ Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanı Ahmet Davutoğlu'nun Irak Dışişleri Bakanı Hoşyar Zebari İle Yaptığı Ortak Basın Toplantısı, 25 Ekim 2013, Ankara. [Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri, Açıklamalar, Basın Toplantıları, Ortak Basın Toplantıları. [Электронный ресурс] URL: http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-ahmet-davutoglu_nun-irak-disisleri-bakani-hosyar-zebari-ile-ortak-basin-toplantisi_-25-ekim-2013_-ankara.tr.mfa].

ся под контролем Багдада, где компании принадлежит доля размером в 30%.

Несмотря на многочисленные угрозы Багдада аннулировать контракты иностранных концернов с Министерством нефти Ирака за сделки с представителями Курдского автономного региона⁴⁶, санкций в отношении «Газпром нефти» объявлено не было, и работа российской компании продолжается как на юге Ирака, так и на территории Курдской автономии. Россия стремится выстраивать отношения с Ираком с позиций реализма и прагматизма, и очевидно, что Багдад склонен разделять тот же подход.

Представляется, что энергетический сектор иракского Курдистана может стать потенциальной сферой взаимодействия между Россией и Турцией. Россия обладает богатым опытом и технологиями в сфере поиска и добычи углеводородных ресурсов. В свою очередь Турция, также активно развивающая нефтегазовое сотрудничество с Курдским регионом, соединена с Ираком действующими трубопроводами, ведет и планирует строительство новых веток. Значительное совпадение подходов России и Турции к иракской тематике создает предпосылки для разработки совместных российско-турецких проектов в иракском Курдистане в сфере энергетики, которая является основой стратегического партнерства между Россией и Турцией.

Трения между Эрбилем и Багдадом – важный фактор внешнеполитической стратегии Анкары. Во-первых, Анкара держит на территории Северного Ирака группировку передового развертывания в качестве гаранта национальной безопасности со стороны Ирака⁴⁷. Во-вторых, Турция рассчитывает за счет продавливания своих интересов в энергетических вопросах и достижения договоренностей с курдским региональным правительством укрепиться в роли регионального лидера. Наконец, отношения с Северным Ираком дают Анкаре новый ключ к решению курдской проблемы в Турции.

На сегодняшний день политика Анкары в отношении курдов и курдского вопроса претерпевает фундаментальные изменения. Ту-

---

⁴⁶ Крупная американская компания «ЭксонМобил» после заключения договора с курдской стороной была отстранена от участия в четвертом раунде общенациональных торгов.

⁴⁷ *Sabah*, 25/10/2011.

рецкое правительство постепенно отходит от политики тотального отрицания курдов и боязни отделения курдских районов от Турции. Правительство ПСР официально признало наличие «курдского вопроса» в Турции, осудило репрессии 1930-х гг. по отношению к курдам, сняло запрет на публичное употребление курдского языка. Вопрос национального примирения курдов и турок – для Анкары давно стал императивом внутривнутриполитического развития страны и сохранения Турции как стабильного и единого государства-нации.

Курдское население Турции крайне неоднородно, особенно в вопросе политических взглядов и предпочтений. Курды не обладают единым и согласованным проектом решения «курдского вопроса» (даже сторонники автономии не могут четко определиться с границами будущего Курдского государства). Перспективы объединения курдов, живущих в соседних странах, крайне неопределенны из-за расхождений между курдами разных регионов (иракские курды не поддерживают радикальные инициативы РПК, обосновавшейся на территории Ирака). Решение курдского вопроса представляется перспективным полем сотрудничества России и Турции, как проблема, затрагивающая безопасность и стабильность большого числа стран региона ББВ.

Афганистан: поле новых вызовов и возможностей

Россия, подобно другим государствам Ближнего и Среднего Востока, встревожена возможными последствиями вывода в 2014 г. объединенных сил НАТО с территории Афганистана. Уход военных сил Запада из Афганистана, пусть и с частичным сохранением баз НАТО⁴⁸, может стать прологом нового витка полномасштабного конфликта – как на внутриафганском, так и на ре-

---

⁴⁸ Еще в мае 2013 г. президент Хамид Карзай заявил, что после 2014 г. в обмен на гарантии безопасности и экономической поддержки США будут предоставлены девять баз: две авиабазы – Баграм и Кандагар, а также крупные базы в Кабуле, Джалал-Абаде, Мазар-и-Шарифе, Гардезе, провинции Гельминт, Шинданде и Герате [Afghanistan: Hamid Karzai reveals US will retain nine bases after withdrawal // The Guardian, 9/05/2013].

гиональном уровне, а также привести к появлению радикального исламистского режима, который дестабилизирует ситуацию в Центральной Азии и будет способствовать закреплению за страной роли главного источника наркоугрозы. У России ограниченные возможности для полномасштабного участия в военно-политическом урегулировании в Афганистане; вклад России в реализацию экономических проектов на афганском направлении, вероятно, также будет весьма ограниченным. Вместе с тем Москва в поисках превентивных мер проявляет достаточно высокую активность в составе региональных структур, вовлеченных в решение афганских проблем – от ШОС до ОДКБ. Цель, которую преследует российская дипломатия, – удержать Афганистан от скатывания к фундаментализму и превращения в «провалившееся государство».

Турция как образец успешной мусульманской страны, за которой не тянется шлейф негативного опыта конфронтации с Афганистаном, обладает серьезным потенциалом политического влияния на Кабул. Со времен Ататюрка Турция была для Афганистана и Ирана авторитетным примером успешного осуществления модернизации традиционного общества. На сегодняшний день степень вовлеченности Турции в афганские дела достаточно высока: это не только участие в международных силах НАТО на территории Афганистана (турецкий контингент насчитывает около 1,8 тыс. солдат и офицеров), но работа по широкому спектру политических, культурно-гуманитарных и экономических направлений. В Афганистане Турция активно реализует гуманитарно-благотворительные проекты в сфере образования: восстанавливает и строит школы, выделяет афганским студентам стипендии на обучение. Ежегодно Турция направляет в Афганистан свыше \$ 130 млн. гуманитарной помощи⁴⁹, ведет работы по строительству, реконструкции и оснащению медицинских учреждений, мечетей, объектов транспортной инфраструктуры. На политическом уровне Анкара выстраивает со-

---

⁴⁹ В 2005-2009 гг. объем гуманитарной помощи Афганистану со стороны правительства Турции и турецких неправительственных организаций составил более \$ 400 млн., в 2010 г. – более \$ 107 млн., в 2011 и 2012 гг. – более \$ 130 млн. [TIKA 2012 Annual Report. Ankara, 2013, S. 25. [Электронный ресурс] URL: <http://store.tika.gov.tr/yayinlar/faaliyet-raporlari/tika2012AnnRep.pdf>].

трудничество с Кабулом в рамках треугольника Турция – Афганистан – Пакистан с ежегодными саммитами лидеров трех стран⁵⁰ и претендует на одну из ведущих ролей в стабилизации Афганистана и его дальнейшем мирном развитии.

Сотрудничество с Москвой в Афганистане для Анкары, по всей видимости, не приоритетно, и России при работе на афганском направлении продуктивнее будет кооперироваться с другими региональными державами, выступающими против американского влияния на Ближнем и Среднем Востоке. В то же время нельзя сбрасывать со счетов области, в которых Россия и Турция могли бы эффективно сотрудничать – это борьба с международным терроризмом и незаконной миграцией. Учитывая масштабы афганской наркоугрозы и опыт Турции по борьбе с выращиванием опийного мака на своей территории в 1970-х гг., привлечение Анкары к комплексным мерам по борьбе наркобизнесом выглядит не только ожидаемым и логичным, но и продуктивным. Эти меры могли бы включать мероприятия по борьбе с производством и распространением наркотиков внутри Афганистана и обеспечению надежного перекрытия наркотрафика на внешних рынках через территории Турции и России, пресечение финансовых потоков, обеспечивающих наркооборот, и наконец, выстраивание в регионе комплексной системы безопасности в сфере наркотиков. В этом ключе вполне возможным представляется формирование широкой коалиции региональных сил с целью поддержания стабильности в регионе и помощи Афганистану в послевоенном восстановлении – здесь интересы России и Турции совпадают.

Центральная Азия как сфера политического сотрудничества и соперничества

В регионе Центральной Азии Россия и Турция большей частью конкурируют друг с другом, что обусловлено как историческими факторами, так и текущей общественно-политической и соци-

---

⁵⁰ С 2007 г. было проведено восемь трехсторонних саммитов. Последний состоялся в Анкаре 12 февраля 2014 г.

ально-экономической конъюнктурой. Первая половина 1990-х гг. были временем гиперактивного проникновения Турции на постсоветское пространство – новые независимые республики Центральной Азии и Кавказа. В те годы политика Турции на центральноазиатском направлении включала в себя как политико-идеологические, так и экономические доминанты. С одной стороны, предлагая постсоветским республикам «турецкую модель» как образец успешного социально-экономического развития, с другой – стремясь помочь решить серьезные финансово-экономические проблемы, выделив только за первые годы независимого развития республикам Центральной Азии и Кавказа более \$ 1,3 млрд. кредитов. Отчасти такая политика отвечала традиционной логике международных отношений – желания Анкары превратить постсоветские республики в своих надежных союзников в условиях нарастающего разочарования западными партнерами.

Однако уже в середине 1990-х гг. «медовый месяц» закончился: Турция, оказавшись в трудном экономическом положении, ощутила острый дефицит финансово-экономических ресурсов, явно недостаточных для столь масштабной донорской политики и тем более взваливания на себя решение проблем экономик постсоветских республик. Кроме того, к 1995 г. очевидным оказался прагматизм стратегии центральноазиатских государств, охотно берущих турецкие кредиты, но не готовых переходить на «турецкую модель» социально-политического развития и отказываться от многовекторной внешней политики и ориентации на других региональных и глобальных игроков.

В 2000-е гг. пришедшая на смену коалиционным правительствам националистических и левоцентристских сил ПСР Реджепа Эрдогана справилась с экономическими сложностями конца 1990-х гг., однако восстанавливать прежнее значение центральноазиатского вектора не торопилась, предпочтя многовекторность с иными доминантами – Ближним и Средним Востоком, а также крайне перспективной Африкой. Таким образом, текущие позиции Турции в Центральной Азии существенно отличаются от наблюдавшихся двадцать лет назад: происходит явное снижение оборотов активности при сохранении высокого уровня политических контактов и союзнической риторики.

Для российской политики в Центральной Азии одним из стержневых вопросов являются масштабные интеграционные инициативы. Проект формирования к 2015 г. Евразийского экономического союза, с которым выступил Президент России Владимир Путин, и идея евразийской экономической интеграции встречает активное противодействие со стороны США. С другой стороны, центральноазиатские страны стремятся проводить многовекторную внешнюю политику, в рамках которой отношения с Россией уравниваются связями с США, Китаем, ЕС, Индией и мусульманскими странами, каковыми являются и сами страны региона Центральной Азии. Турция, в свою очередь, по-прежнему сохраняет свою привлекательность, особенно среди местных реформаторов, как своеобразная модель экономического, политического и социального устройства. Одновременно Турция позиционирует себя братским тюркским государством, что вызывает симпатии у местных националистов, а кроме того – Анкара выступает некой альтернативой сотрудничеству с Россией в области военных технологий и вооружений. В целом на центральноазиатском направлении Турция уже давно включилась в соперничество за влияние на регион. Все это происходит на фоне очевидного ослабления влияния Москвы в центральноазиатских странах перед лицом амбиций Китая, стремящегося стать главным центром экономического притяжения для стран региона.

Вместе с тем совместная работа на центральноазиатском направлении России и Турции, несмотря на наличие разнонаправленных, а порой и сталкивающихся интересов, не только возможна, но и продуктивна. С одной стороны, накопленный опыт длительного сосуществования центральноазиатских республик с Российской Федерацией в рамках единого социально-экономического пространства Советского Союза; с другой, социокультурные и религиозные факторы, сближающие страны Центральной Азии с Турцией, дают Москве и Анкаре возможность выработать общие принципы и подходы к стабилизации обстановки в этом регионе. На первый взгляд, такой подход не укладывается в рамки сложившихся стереотипов российско-турецких отношений, однако в современном мире, когда происходит разрушение всяких стереотипов, может оказаться уместным.

Россия и Турция на Кавказе: стремление к преодолению нестабильности

Южный Кавказ представляет собой регион, где исторически интересы России и Турции серьезно расходились. В континууме постсоветского периода, отличительной чертой которого стали затяжные конфликты, Москва и Анкара часто занимают противоположные позиции. Так, Москва формально выступает главным союзником Армении (РФ является гарантом сохранения Армении в ее нынешних границах и продолжает держать на ее территории военную базу), в то время как Анкара имеет сопоставимый альянс с Азербайджаном, претендующим на звание главного союзника Турции на Кавказе по уровню экономических связей и степени взаимодействия с административно-государственным аппаратом и силовыми структурами. Однако при наличии мощного турецкого влияния Баку удалось выстроить конструктивные и взаимовыгодные отношения с Москвой; тем самым Россия и Турция в случае с Азербайджаном имеют серьезный потенциал взаимодополняющего сотрудничества. В случае Армении ситуация противоположная. Отношения Еревана и Анкары по-прежнему складываются очень непросто. Главным раздражающим фактором остается проблема признания геноцида армян. В 2000-е гг. Турция пошла на создание специальной парламентской комиссии, заключение которой было обнародовано в 2005 г. – в 90-летнюю годовщину трагических событий 1915 г. Однако при всей взвешенности формулировок этого документа в нем отсутствовали оценки, на которых настаивал Ереван: факт геноцида не признавался. Достижение компромисса в этом вопросе между Турцией и Арменией в ближайшей перспективе маловероятно. Что касается российских военных баз в Армении, то Турция склонна рассматривать их в большей степени как фактор стабильности, чем напряженности.

Еще одно направление расхождения позиций – Грузия. У Москвы до сих пор сохраняются довольно напряженные отношения с Тбилиси (восстановление дипломатических отношений пока еще не реализовано в полной мере) после событий 2008 г. У Турции,

напротив, налажены тесные экономические отношения с Грузией. Анкара не признала независимость и отделение от Грузии Абхазии и Южной Осетии, при этом в Абхазии у Турции очевидные экономические интересы, и Анкара является на сегодняшний день главным соперником Москвы за влияние в этих кавказских республиках. Для Абхазии, стремящейся диверсифицировать свои внешние партнерские связи и снизить зависимость от России, отношения с Турцией рассматриваются как один из перспективных каналов укрепления собственного суверенитета и наращивания экономического и политического потенциала.

Россия и Турция сходятся в отношении к Минскому процессу как важной международной площадке, включающей и США, и страны ЕС, для позитивного решения Нагорно-карабахского конфликта путем переговоров. Для Москвы и Анкары задача поддержания стабильности и безопасности на Южном Кавказе является важной составляющей внутренней политики. Абхазия и Нагорный Карабах являют собой потенциальную зону тесного сотрудничества между Россией и Турцией.

Отсутствие серьезного конфликта интересов России и Турции в регионе Южного Кавказа позволяют видеть в нем перспективное поле сотрудничества, прежде всего в сфере безопасности и урегулирования региональных конфликтов. Тем более что безопасность и политическая стабильность на Кавказе, равно как и снижение рисков усиления внерегиональных игроков, представляют собой очевидную зону совпадения интересов двух стран. Разногласия Москвы и Анкары по отдельным политическим вопросам и наличие определенных раздражителей не должны препятствовать взаимодополняющему сотрудничеству России и Турции на кавказском направлении.

В этой связи целесообразно было бы обратиться к выдвинутой Турцией в августе 2008 г. инициативе «Платформы стабильности и сотрудничества на Кавказе», получившей поддержку России. Ведь предложенная Анкарой модель предполагала налаживание сотрудничества между странами Южного Кавказа и установление в них стабильности при активном участии исключительно региональных держав без вмешательства внерегиональных игроков. Это также может стать базой для формирования межгосударственных

институтов, на площадках которых могла бы отрабатываться модель решения региональных конфликтов.

Ситуация на Северном Кавказе в этом отношении несколько отличается. В 1990-е и начале 2000-х гг. Турция поддерживала чеченских сепаратистов, что негативно сказывалось на проводимой Москвой политике комплексного решения чеченской проблемы. Несмотря на формальное завершение военной кампании в Чечне, республики Северного Кавказа по-прежнему остаются зоной повышенных рисков и социально-политической нестабильности. Важный аспект сотрудничества Москвы и Анкары на северокавказском направлении – совместные проекты по перекрытию каналов финансирования и внешней помощи исламским радикалам Северного Кавказа.

Раздел III

Экономические аспекты развития российско-турецких отношений

Экономические связи – важнейший компонент двусторонних российско-турецких отношений. Одна из основных форм их развития – *двусторонняя торговля*. Статистические данные позволяют выявить довольно устойчивое поступательное наращивание двустороннего товарооборота в 2000-е гг., которое нарушалось дважды: в 2009 г. под воздействием глобального финансового кризиса товарооборот снизился более чем на 40%, по итогам 2013 г. также произошло незначительное снижение объема двусторонней торговли, связанное с замедлением темпов экономического роста в Турции.

Торговля Турции и РФ (млн. долл. США)

	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Экспорт Турции	1 368	1 859	2 371	3 238	4 727	6 482	3 202	4 628	5 993	6 683	6 967
Импорт Турции	5 451	9 033	12 818	17 806	23 508	31 365	19 450	21 601	23 953	26 620	25 063
Объем	6 819	10 892	15 189	21 044	28 235	37 847	22 652	26 229	29 946	33 303	32 030
Сальдо	-4 083	-7 174	-10 447	-14 568	-18 781	-24 883	-16 248	-16 973	-17 960	-19 937	-18 096
Экспорт / импорт (%)	25	20,5	18,4	18,2	20,2	20,1	16,4	21,4	25,0	25,1	27,8

Как важную особенность следует выделить хронический и проявляющий тенденцию к росту в абсолютном исчислении дефицит Турции в торговле с РФ. О его глубине позволяет судить то обстоятельство, что отношение стоимости экспорта Турции в Россию к ее импорту из РФ последние годы не поднималось выше 28%. В итоге некоторые турецкие аналитики связывают одну

из самых болезненных проблем в экономике Турции – дефицит по счету текущих операций платежного баланса – с характером развития торговых отношений двух стран. То обстоятельство, что стоимость турецкого экспорта не может выйти на опережающие темпы роста по сравнению со стоимостью импорта, объясняется структурными особенностями двусторонней торговли, в рамках которой Турция выступает в качестве крупного покупателя энергетического сырья: на природный газ, нефть и нефтепродукты приходится 65% ее импорта из России (2012). Но стоимость нефти, на основании которой определяется вся система цен мирового рынка на энергосырье, в 2012 г. в 3,7 раза превышала ценовой уровень 2003 г. Таким образом, рост стоимости импорта из России обеспечивается не только увеличением объемов закупок, но и ценовой конъюнктурой. В итоге Россия с 2007 г. удерживает на турецком рынке позиции зарубежного поставщика номер один. При этом Турция экспортирует в РФ главным образом готовые изделия сравнительно невысокой технологической сложности, цены на которые на мировом рынке недостаточны, чтобы покрыть стоимость встречного импорта. Действительно, на сегодня 25% экспорта Турции в РФ составляют текстильные товары и готовая одежда, около 15% – продукты питания, еще около 8% – прочие потребительские товары. Правда, существенную долю – 12% – составляет продукция автопрома и приблизительно столько же – продукция общего и электрического машиностроения, а также бытовые приборы длительного пользования. Тем не менее, все перечисленные товарные группы относятся в лучшем случае к среднетехнологичным. Высокотехнологичная продукция пока сравнительно редка в турецком экспорте – около 3% его общей стоимости, что объясняет ее малозаметную роль и в экспорте в РФ. Несмотря, казалось бы, на объективные причины, лежащие в основе глубоко дефицитного характера двусторонней торговли для Турции, он является источником постоянного беспокойства турецкой стороны. Турецкие эксперты характеризуют двусторонние торгово-экономические связи как «односторонние энергетические отношения», а политики все чаще обращаются к поиску способов устранения дисбаланса.

В условиях неблагоприятной с точки зрения Турции ценовой конъюнктуры на энергоносители турецкая сторона пытается

так или иначе добиться хотя бы некоторых ценовых преференций при оплате российского газа. Например, в конце 2011 г. Турция дала окончательное разрешение российской газовой компании «Газпром» на строительство в своей исключительной экономической зоне в Черном море газопровода «Южный поток», представляющего собой важнейший для России проект по диверсификации маршрутов и наращиванию объемов снабжения газом стран Центральной и Южной Европы. Достижению договоренности предшествовали встречные уступки России по цене на газ.

Решить проблему стоимости импортируемого российского газа турецкая сторона пытается и посредством ухода от схемы взаиморасчетов по принципу «бери или плати», предусмотренной двусторонними долгосрочными соглашениями. В конце 2011 г. она заявила о своем отказе продлить действие соглашения о поставках газа по так называемому Трансбалканскому газопроводу, действовавшему с 1987 г. Соглашение было заключено сроком на 25 лет, и 2011 г. стал последним годом поставок. Мощности газопровода находятся в стадии передачи частным компаниям для прокачки газа, закупленного ими не по долгосрочным, а спотовым контрактам, в рамках которых стоимость определяется в зависимости от объема текущего покупательского спроса. В итоге предполагается, что по Трансбалканскому газопроводу Турция будет обеспечиваться газом по «более подходящим ценам».

Изменение схемы использования Трансбалканского газопровода оказалось возможным в связи с начавшимся и довольно активно протекающим процессом либерализации газового рынка Турции, который предполагает разделение функций по транспортировке, продаже и хранению газа и превращению каждой из этих сфер в конкурентную. Либерализация стала новым вызовом для отработанных схем продажи российского газа на турецком рынке. Турецкая государственная компания «Боташ» утратила свое монопольное положение, формируется новая бизнес-модель российско-турецких газовых отношений с участием ряда частных компаний, которая заменяет прежний формат, предусматривавший участие от каждой из сторон только государственных компаний «Газпром» и «Боташ».

Еще одним поводом для беспокойства Турции в рамках сложившейся структуры двусторонней торговли и при этом тесно связанным с проблемой цены на газ является фактически монопольное положение России на турецком газовом рынке. В 2011 г. она обеспечила 55% суммарного объема импорта газа в Турецкую Республику. В конце 1980-х гг., когда Турция лишь начала масштабный импорт природного газа, уровень зависимости от СССР составлял все 100%. Несмотря на признание статуса РФ как наиболее надежного поставщика газа, турецкая сторона предприняла и продолжает предпринимать немалые усилия по диверсификации источников его импорта. Как считают турецкие эксперты, по соображениям «психологического комфорта» Турции необходимо достичь положения, которое характеризуется определенным уровнем диверсификации импорта. Россию призывают понять, что это делает двусторонние отношения более крепкими и менее зависимыми от субъективного восприятия и различного рода опасений. В 1990-е гг. Турция заключила соглашения о поставках природного газа с Ираном и Нигерией (*LPG*), а в 2001 г. – с Азербайджаном, на которые в 2011 г. пришлось соответственно 21%, 3% и 10% от общего объема газа, импортированного Турцией. Пока ей не удалось реализовать заключенную еще в конце 1990-х годов договоренность с Туркменистаном, между тем туркменский газ должен был сыграть решающую роль в реализации проекта «Набукко». Долгосрочные амбиции Турции нацелены на дальнейшее снижение стратегической важности как России, так и Ирана на национальном газовом рынке и на постепенную трансформацию зависимой роли импортера энергосырья в статус одного из основных субъектов мировой энергетической политики за счет активного использования преимуществ своего географического положения и аккумуляирования на своей территории энергоресурсов из целого ряда стран региона. В планах турецкой государственной газовой компании «Боташ» – обеспечить новые источники и пути доставки природного газа, например, посредством сооружения газопровода Ирак-Турция, а также заявленного ранее газопровода Туркменистан-Турция; увеличение закупок газа в Азербайджане. В итоге турецкая сторона надеется сконцентрировать на своей территории региональные энергетические ресурсы для последующего обеспе-

чения потребности в них европейских и иных рынков (Израиль) и превратиться в международный энергетический хаб, получив весомые геостратегические преимущества. В качестве первых шагов на пути к поставленной цели рассматриваются действующие трубопроводы, по которым осуществляются поставки энергосырья из Азербайджана в Турцию, а также ввод в строй первого участка газового кольца Южной Европы – газопровода, соединившего Турцию и Грецию. Таким образом, перспективные энергетические планы Турции не слишком тесно связаны с развитием отношений с Россией. Роль России в качестве поставщика энергетического сырья рассматривается в будущем как стабильная, но без заметного потенциала роста, в то время как основные перспективы связываются с другими странами, обладающими запасами углеводородов.

Озабоченность России проблемой дисбаланса в двусторонней торговле не носит столь острого характера, что впрочем, легко объяснимо. Перед Россией стоят собственные задачи по наращиванию и географической диверсификации экспорта углеводородного сырья и укрепления своих позиций как крупнейшей энергетической державы мира. К тому же считается, что дисбаланс в торговле с Турцией перекрывается явным преимуществом Турции в туристической сфере (в течение девяти месяцев 2013 г. 2,8 млн. россиян посетили Турецкую Республику в качестве туристов, в то время как число туристов из Турции, побывавших за это время в РФ, составило менее 90 тыс. человек⁵¹), наличием такого явления как челночная торговля (объем доходов от нее за январь-октябрь 2013 г. по оценкам Центрального банка Турции составил \$ 6,4 млрд.⁵², тем не менее, трудно сказать, какая именно его часть была обеспечена за счет вывоза товаров в РФ, но, скорее всего, не слишком значительная).

Но несмотря на стоимостное преимущество российского экспорта, характер двусторонней торговли не представляется оптимальным и с точки зрения интересов экономического развития РФ: по существу в соответствии с условиями действующей мировой

---

⁵¹ См. сайт Федерального агентства по туризму:

<http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124141114/>.

⁵² См. сайт Центрального Банка Турецкой Республики: <http://www.tcmb.gov.tr/>.

конъюнктуры дорогое углеводородное сырье обменивается на относительно дешевый турецкий экспорт.

Некоторые эксперты оценивают сложившуюся структуру двусторонней торговли положительно, усматривая в ней проявление «взаимодополняющего» характера двух экономик и потенциал для дальнейшего развития двусторонних связей. Но следует признать, что торговля на основе использования первичных сравнительных преимуществ представляет собой весьма традиционную, а на нынешнем этапе – во многом устаревшую и даже архаичную форму международного разделения труда. Она все более остается в стороне от новых трендов международной торговли, которые связаны с углубляющейся интернационализацией производства и выстраиванием глобальных цепей создания стоимости. Турция все более вовлекается в такого рода сравнительно новые формы международной торговли в рамках отношений с западными странами. Так, в США и Западной Европе действует не менее полутора сотен посреднических фирм, занятых приемом и размещением в Турции заказов на пошив одежды от западных брендовых марок⁵³. Выполнение таких заказов является важным фактором расширения экспорта страны.

Кстати, и среди турецких экспертов, наряду с теми, кто положительно оценивает торговлю на основе принципа взаимодополняемости, есть и такие, кто рассматривает сложившуюся схему российско-турецкой торговли как одномерную и весьма структурно ограниченную.

К настоящему времени суммарный объем *инвестиций* российской стороны достиг 6 млрд. против 4 млрд. инвестиций из Турции, то есть российской стороне удалось изменить ситуацию, когда долгое время преобладала инвестиционная активность Турции. Дальнейшее усиление инвестиционных позиций России обеспечит начавшаяся реализация проекта строительства первой на территории Турции атомной электростанции, стоимостью \$ 20 млрд.⁵⁴ Преобладающий инвестиционный поток из РФ может считаться своего рода компенсацией тех финансовых издержек, с которыми

---

⁵³ <http://tekstiltime.blogcu.com/uretim-yapacak-tekstilci-araniyor/6633799>.

⁵⁴ Официальные данные Посольства Турецкой Республики в РФ.

для Турции связан несбалансированный характер двусторонней торговли.

Итак, какие могут быть предложены пути решения проблем, обозначившихся на сегодня в российско-турецких экономических отношениях?

Что касается дисбаланса в пользу России в двусторонних торговых отношениях, следует признать, что принципиальное решение проблемы дефицита двусторонней торговли возможно, скорее, теоретически и в долгосрочной перспективе. Например, это может произойти в результате существенного изменения (снижения) мировых цен на энергоносители, но в этом случае произойдет падение объема двусторонней торговли, в том числе из-за снижения возможностей России импортировать из Турции, так что подобный сценарий не отвечает интересам ни одной из сторон. Другая возможность заключается в том, что Турции со временем удастся решить уже неоднократно озвученную ее правящими кругами задачу по повышению в экспорте доли товаров с более высокой добавленной стоимостью, а значит, более дорогостоящих на мировом рынке. Но *некоторые* возможности повышения сбалансированности взаимной торговли могут быть найдены уже сегодня за счет корректировки структуры двусторонней торговли. Так, в общем экспорте Турции доля текстиля составляет 11%, а в структуре экспорта в РФ – 19%. Аналогична ситуация по продуктам питания – всего 5% в общем экспорте Турции и 15% в экспорте в РФ. И напротив, доля продукции автомобилестроения в общем экспорте Турции – 17% (лидирующая отрасль), а в экспорте в РФ – 13%. Таким образом, не полностью преодолена проблема излишне традиционной структуры импорта РФ из Турции, которая особенно остро стояла в советские времена в период действия государственной монополии внешней торговли. Так что активные усилия турецких фирм по участию в экспортных выставках в РФ, видимо, следует поддерживать.

Усложнение структуры взаимной торговли и уход от ее «одномерности» поддерживаются стремлением сторон к повышению качества экономического роста за счет роста значимости современных технологически продвинутых отраслей в структуре каждой из национальных экономик. То есть проблема недостаточных

объемов высоко-технологичной продукции в экспорте актуальна не только для Турции, но и России: по данным всемирного банка в последние пять лет ее доля в российском экспорте составляла от 6 до 9%. Следовательно, ценным для сторон могло бы оказаться сотрудничество и взаимная поддержка в сфере обмена опытом производства высокотехнологичной продукции. Это означает, что можно пытаться двигаться к новому пониманию взаимодополняемости: от формулы «энергосырье в обмен на потребительские товары широкого спроса» к формуле обмена (пусть и ограниченного возможностями сторон) высокими технологиями и высокотехнологичными товарами.

Между тем, что касается такой конкретной сферы сотрудничества, как космическая, то в тексте протокола 10-го заседания Смешанной межправительственной турецко-российской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству *ТЮБИТАК* (Совет по научно-техническим исследованиям Турции) и Роскосмос выразили намерение сотрудничать, а в тексте протокола 11-го заседания подтвердили его. Следовательно, реально сотрудничество не началось. В материалах 12-го заседания речь шла уже о готовности турецкой стороны осуществлять сотрудничество с российской в реализации проекта гражданских спутниковых программ. Таким образом, сфера сотрудничества определена более конкретно, но его институциональный проводник, видимо, сменился, так и не проявив своих возможностей: рабочая группа по высоким технологиям была упразднена, а ее функции переданы одной из вновь созданных рабочих групп. То есть подготовительный период по данному направлению сотрудничества, очевидно, затянулся.

Следует признать, что развитие связей в сфере обмена высокими технологиями требует от сторон довольно высокого уровня взаимного доверия. Именно в русле развития обмена высокими технологиями турецкие эксперты призывают рассматривать и проект строительства атомной электростанции в Аккую. На нынешнем этапе, по их оценкам, существует опасность реализации модели сотрудничества в данной сфере как весьма ограниченной: российская сторона инвестирует в строительство атомной электростанции и сохраняет за собой на десятилетия право собственности на нее.

Для придания сотрудничеству более значимого статуса оно, по мнению турецких экспертов, должно включать передачу от России к Турции технологий и опыта эксплуатации (*know-how*). Действительно ныне в России проходят обучение порядка ста турецких студентов, но неясна их будущая роль в разработке проекта станции, ее строительстве и эксплуатации.

Возможность движения навстречу пожеланиям турецкой стороны зависит от реальной роли, которая отводится проекту в двусторонних связях, не только экономических, но и в системе мер энергетической дипломатии РФ. Для России остается важным поддержание активного энергетического сотрудничества с Турцией как предпосылки конструктивного политического, и особенно геополитического диалога не только в настоящем, но и будущем. Например, не слишком долго отдаваясь чувству разочарования в связи с утратой проектом «Набукко» определенной временной перспективы, Турция активно принялась за разработку его мини-версии – проекта *TANAP*, в рамках которого планируется наладить через территорию Турции снабжение азербайджанским газом европейских стран. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что в ходе последнего официального визита премьер-министра Турции в Россию (ноябрь 2013 г.) проекты атомной электростанции Аккую и «Южный поток» упоминались в единой связке, что может означать нечто большее, чем просто их общность как двух проектов, одновременно находящихся в стадии реализации. Важное значение имеет и статус Турции как одного наиболее значимых игроков в крайне беспокойном регионе Среднего Востока, с которым желательно иметь прочные партнерские отношения.

С учетом сложной системы взаимосвязей в дальнейшем может быть определен статус Турции получателя или только пользователя технологий в сфере атомной энергетики. Тем не менее, в этой ли сфере, или другой обмен высокими технологиями, видимо, становится перспективным направлением двустороннего сотрудничества.

В связи с постепенным изменением статуса мирового рынка сырья, его превращения из рынка продавца в рынок покупателя, российской стороне следует быть готовой к тому, что и в дальнейшем

турецкая сторона будет стремиться по возможности отступить от платежного принципа «бери или плати» при покупке российского газа не только уклоняясь от продления соответствующих контрактов, но и через требование новых ценовых уступок, снижение в законтрактованном объеме поставок доли газа, который оплачивается на условиях «бери или плати» или же просто прямого нарушения условий оплаты и формирования у турецкой стороны задолженности. Конечно, можно пенять турецкой стороне на предмет того, что «турецкий газовый рынок – восточный базар», имея ввиду неустанные усилия турецкой стороны по изменению условий торговли в свою пользу, но следует исходить из объективного характера тенденции по изменению европейской модели газового ценообразования – переходу от долгосрочных контрактов «бери или плати» к либеральному механизму благодаря появлению мирового газового избытка.

В условиях начавшейся либерализации турецкого газового рынка российский «Газпром» сумел удачно адаптироваться к новой ситуации и, видимо, сохранил свое доминирование на рынке Турции через свои дочерние предприятия “*Bosphorus Gas*” (компания управляет пакетами акции в бытовых сетях, доставляющих газ конечным 5% турецких потребителей) и “*Avrasya Gaz*”, о покупке которой договорился «Газпромбанк» и которая получила право на импорт 500 млн. м куб. газа из России. Эти сделки демонстрируют новые пути внедрения российских компаний на турецкий газовый рынок. Если раньше мы наблюдали модель сотрудничества между госкомпаниями «Газпром» – «Боташ», то сейчас круг контрагентов «Газпрома» в Турции расширился. Новая бизнес-модель сотрудничества, формирующаяся между Россией и Турцией, закладывает основу для обмена активами между компаниями из двух стран. Поэтому помимо рисков, связанных с изменениями правил игры на рынке, либерализация создает и некоторые дополнительные возможности, к использованию которых следует быть внимательными.

В перспективе России, по всей видимости, следует стремиться выйти за рамки продажи в Турции природного газа. Энергетическая стратегия России на период до 2030 г. предусматривает диверсификацию структуры экспорта энергоносителей за счет уве-

личения доли энергетических продуктов с высокой добавленной стоимостью (нефтепродукты, сжиженный природный газ и др.) Поэтому, с одной стороны, следует рассмотреть отмечаемые турецкими экспертами возможности участия Турции в модернизации нефтеперерабатывающих предприятий России. С другой, учитывая исключительную выгодность геоэкономического положения Турции, обусловленную, в том числе, наличием протяженной береговой линии, возможно ее использование в новой стратегии «Газпрома», когда часть газа магистральных газопроводов отбирается для производства СПГ на специально построенном неподалеку от морского порта заводе, что позволяет повысить мобильность и объем сбыта.

В случае реализации подобных проектов можно будет говорить о начале перехода к формированию цепей создания стоимости.

С учетом стратегии, избранной Турцией по изменению своей роли в системе международной торговли энергосырьем, возникает вопрос о предоставлении ей права на транзит российского газа на рынки третьих стран. России либо придется подключиться к реализации амбициозных планов по превращению Турции в энергетический хаб, либо столкнуться с вероятным промедлением в реализации проектов дополнительной продажи российского энергосырья в Турцию, так как турецкая сторона будет пытаться за счет альтернативных поставщиков, в том числе сжиженного газа, достигнуть обеспечивающего ее энергетическую безопасность и реализацию стратегических планов уровня диверсификации поставок. Российская сторона, видимо, готова к определенным уступкам, хотя и не спешит с ними, подчеркивая более гипотетический, чем реальный характер опасений Турции, связанных с поставками газа из России: в опыте двусторонних отношений не было прецедентов по их срыву или снижению объемов. Тем не менее, если ранее глава «Газпрома» Алексей Миллер подчеркивал, что газовый холдинг планирует заключать новые контракты на поставку газа Турции с условием запрета реэкспорта, то, как следует из заявлений президента В.В. Путина, сделанных в ходе декабрьского визита 2012 г. в Турцию, «не исключено, что мы можем договориться с нашими турецкими друзьями расширить воз-

возможности «Голубого потока», в том числе с выходом на рынки третьих стран. Конечно, с одной стороны, Турция стремится к диверсификации поставщиков газа в условиях, когда использование «Голубого потока» так и не вышло на проектную мощность. «Газпром» констатирует, что лишь в отдельные периоды по запросам турецкой стороны суточные объемы поставок соответствуют уровню проектной мощности, *что компенсирует недопоставки со стороны Ирана*. Но если принять сложившееся положение, то возможно, выходом из него как раз и станет придание «Голубому потоку» статуса не двустороннего, а международного проекта. Турецкая сторона не перестает надеяться, что формат отношений «поставщик – потребитель» будет дополнен отношениями «поставщик – посредник». При этом некоторые эксперты с турецкой стороны полагают, что реализация проекта «Южный поток» может оказаться экономически нерентабельной и поэтому было бы целесообразно изучить возможность расширения уже построенного газопровода «Голубой поток» и его использования для поставок российского газа в страны ЕС, что будет экономически более выгодно для обеих стран. До последнего времени представлялось, что поскольку Россия, в свою очередь, также ищет возможности диверсификации путей доставки своего газа на международные рынки для «снижения транзитных рисков», сотрудничество двух стран в сфере транзита российского газа через турецкую территорию могло бы реализоваться именно благодаря тому, что уже началось сооружение проекта Южный поток. В этой ситуации транспортировка некоторых дополнительных, но не основных объемов российского газа через Турцию не привела бы к серьезной зависимости России от турецкого транзита и, вполне вероятно, отвечала бы российским интересам. Но в условиях, когда украинский кризис поставил под вопрос реализацию Южного потока, значение транзитных возможностей Турции становится для России не менее, а более привлекательным как альтернатива для выхода российского газа на международный рынок. Вопрос в том, позволит ли характер политических отношений Турции с Западом предоставить России подобные возможности.

Одно из перспективных направлений инвестиционного сотрудничества сторон связано с дополнением российских государственных инвестиций в Турцию инвестициями частного сектора, в случае если удастся подключить российских инвесторов к обширной действующей в Турции с середины 2012 г. программе поддержки инвестиций. Среди отраслевых приоритетов – поддержка инвестиций в производство продукции, от импорта которой в наибольшей мере зависит Турция. С учетом того, в число видов такой продукции входит и большое число не только инвестиционных, но и промежуточных товаров (различные виды промышленного сырья и полуфабрикатов), российские инвесторы технологически могут оказаться вполне готовы для входа на турецкий рынок.

Раздел IV

Гуманитарное сотрудничество и неполитические субъекты российско-турецких отношений

Сотрудничество в сфере экономики и политики традиционно формирует основу двусторонних отношений России и Турции, при этом потенциал гуманитарной сферы, в рамках которой на передний план выходят негосударственные акторы, в настоящее время реализован не в полной мере. Гуманитарное сотрудничество, в его широкой трактовке охватывающее область культурных связей, междивизиционного взаимодействия, разноуровневых контактов организаций гражданского общества и отношения с соотечественниками за рубежом, не сковано строгими рамками официальных каналов и процедур и может развиваться свободно и эффективно, серьезно дополняя политический диалог между Москвой и Анкарой.

В культурно-историческом плане Россия привлекательна для Турции как страна европейской цивилизации, придерживающаяся универсальных ценностей демократии, прав человека, рыночной экономики и т.д. Ресурсный и политико-экономический потенциал России – насущно важен для Турции, в то время как Россия заинтересована в турецких инвестициях и осуществлении масштабных совместных проектов в сфере промышленного производства, переноса на российскую почву опыта лицензионной экономики Турции, создания организованных промышленных зон и т.д.

Динамика изменения отношения турок к России в целом положительная, однако определенная настороженность к северному соседу сохраняется. По данным одного из последних опросов общественного мнения, безоговорочно положительно Россию воспринимают более 30% респондентов (6-е место в рейтинге), т.е. несколько лучше США (27%), Франции (21%) или Израиля (8%) с Ираном (17%), но существенно хуже Германии (46%) и Япо-

нии (46%)⁵⁵. Корни негативного отношения – не только в несовпадающих позициях по резонансным вопросам вроде сирийского кризиса (большинство антироссийских митингов в 2012–2013 гг. проходили именно под этими флагами), но и обеспокоенности по поводу поставок энергоресурсов, а также масштабной коррупции, препятствующей нормальной реализации бизнес-проектов. В свою очередь, большинство россиян (60%) видят в Турции друга и партнера⁵⁶, однако настороженность к Турции также присутствует, вызвана она активностью турецкого лобби и амбициями Анкары в регионах, ранее входивших в состав Советского Союза.

В определенном смысле гуманитарная сфера сотрудничества с Турцией на сегодняшний день представляется недооцененной, заключенный в ней потенциал используется не в полной мере и не дает должного результата. Между тем гуманитарное сотрудничество – эффективный инструмент «мягкой силы», направленной на решение важной политической задачи – преодоления дефицита взаимного доверия. В новой «Концепции внешней политики РФ», утвержденной В.В. Путиным 12 февраля 2013 г., подчеркивается большое значение «мягкой силы» как «неотъемлемой составляющей современной международной политики» и «комплексного инструментария решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии»⁵⁷.

В ближайшей перспективе необходимо предпринять энергичные усилия, чтобы отойти от декларативного характера использования «мягкой силы» к ее практическому применению. В противном случае ее негативный потенциал – «деструктивное и противоправное использование “мягкой силы” и правозащитных концепций для оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации обстановки,

---

⁵⁵ Almanya'ya olumlu İsrail'e olumsuz bakış // Milliyet, 24/05/2013.

⁵⁶ Турция глазами россиян. Исследования ВЦИОМ. [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=8885>

⁵⁷ Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) // Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт.

манипулирования общественным мнением и т.д.»⁵⁸ – будет играть против интересов России.

В информационную эпоху успех в мировой политике обусловлен не только экономической мощью, но и международным имиджем страны, ее способностью вызывать симпатии за рубежом. Россия в последние годы воспринимается Анкарой как геополитический союзник, способный помочь Турции повысить ее статус в международных отношениях. Положительному восприятию перспектив российско-турецкого сотрудничества способствуют успехи в налаживании дружеских отношений между лидерами двух стран и масштабный проект создания Совета сотрудничества высшего уровня (2010). Однако Россия может утратить преимущества, которыми она потенциально располагает в Турции, по причине очевидного дефицита и недостаточной эффективности информационного инструментария. Массовые представления о России нередко основываются на стереотипных мифах о советском прошлом и России 1990-х гг. Существует определенный дефицит качественной информации: по привычным для себя каналам турки получают мало сведений о России. Запущенные совместные проекты – газеты «Босфор» и “*Gazetem*” (первое турецкое СМИ на русском языке и соответственно турецкое на русском), «МК-Turkey» или «АИФ-Turkey» (партнерский проект агентства “*Cihan*” и холдинга «Московский комсомолец»), портал “*Haber-Rus*” и т.д. – пока не в достаточной мере справляются с задачей наполнения информационного поля верифицированными и взвешенными сведениями о России в Турции и Турции в России.

Вместе с тем последние скандалы в Турции – операция «Большая взятка», отставки значительного числа министров в декабре 2013 г., запреты на доступ к социальным сетям, публикации компромата на Эрдогана и его ближайших родственников – взорвавшие внутривнутриполитическую ситуацию накануне и в период избирательной кампании в местные органы власти, политика правительства по нейтрализации информационных каналов, связанных с движением

---

⁵⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) // Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт.

«Хизмет» и его духовным лидером Фетхуллахом Гюленом (среди них и “*Cihan*”, и “*HaberRus*”) и активная кампания по их дискредитации – все это снижает эффективность работы ряда существующих информационных каналов, сфокусированных на вопросах российско-турецких отношений, и уровень их воздействия на массового читателя.

В этом ключе целесообразно создание тематических и в особенности экспертно-аналитических интернет-порталов для работы с турецким экспертным сообществом как непосредственной целевой аудиторией в сфере политики, законодательства, бизнеса и т.д.

Российские и турецкие СМИ часто дают сбои в объективном освещении событий, происходящих в двух странах. Акцент на негативных событиях и проблемах двусторонних отношений вызывает настороженность в отношениях. Снизить негативный эффект от невзвешенных и поспешных трактовок и ошибок журналистов возможно с помощью как мониторинга СМИ, так и создания альтернативных информационных каналов с высококачественным контентом.

Учитывая достаточно высокий уровень симпатии и интереса к России в Турции среди представителей разных поколений и особенно молодежи, лишенной ментального наследия блокового противостояния, особую актуальность обретает ревизия существующих и создание новых каналов «мягкой силы» в двусторонних отношениях. Поиск новых и более эффективных механизмов реализации потенциала гуманитарного сотрудничества, сегментация целевых аудиторий позволили бы добиться серьезных успехов в среднесрочной перспективе. Турция – преимущественно мусульманская страна, поэтому следует уделять больше внимания вопросам создания в турецком обществе положительного образа современной России как страны со значительной долей мусульманского населения, где уважают ислам и мусульманскую культуру.

Важно продолжить работу по созданию новых партнерских программ и проектов, подписанию соглашений с крупнейшими медиа-холдингами и изданиями Турции, которые бы помимо всего прочего включали в себя публикацию дайджестов высококачественных материалов российских СМИ (прежде всего по сюжетам, представляющим особую важность как для двусторонних отношений, так и в целом для международного имиджа России). Возможно создание новых тематических сетевых изданий.

Достижения и издержки гуманитарного сотрудничества в сфере туризма

За последние 20 лет в гуманитарных отношениях России и Турции четко выделились магистральные и второстепенные области. В количественном и качественном отношении первое занимают образование и туризм. Туризм стал не только важной составляющей экономических отношений, но и ключевым фактором в налаживании диалога между гражданами России и Турции. Растущая популярность «Турецкой Ривьеры» у российских туристов в 1990-е и 2000-е гг., налаживание добрососедских связей, разработка совместных культурно-просветительских проектов – все это способствовало преодолению сложившихся за годы «холодной войны» предубеждений и негативного наследия блокового противостояния.

Более того, на сегодняшний день туризм выступает стимулом развития экономического сотрудничества и фактором углубления политических отношений России и Турции. Совокупный объем инвестиций и прибыли туристического бизнеса в Турции поставил развитие туризма в число приоритетных вопросов межгосударственного диалога. Развитие туризма стало неотъемлемой частью стратегического партнерства и внесло ощутимый вклад в повышение взаимного доверия, что наглядно продемонстрировала отмена визового режима между Россией и Турцией в 2010 г. (фактически в 2011 г.).

Проведенные в Сочи Олимпийские игры и масштабная программа развития региона с точки зрения его привлекательности для иностранцев повысили актуальность и возможности для привлечения турецких инвестиций в канун игр, а после их завершения способны стимулировать вхождение турецкого бизнеса в сферу эксплуатации построенной рекреационной инфраструктуры с целью развития российского туризма.

По числу туристов Россия сейчас занимает второе место после Германии. В 2013 г. в качестве места отдыха Турцию выбрали более 4,1 млн. россиян, т.е. каждый пятый выезжающий за границу с ту-

ристическими целями⁵⁹. Турция по-прежнему удерживает за собой титул наиболее востребованного места отдыха россиян. С турецкой стороны, напротив, в Россию приезжают по большей части с деловыми целями. Только треть посетивших Россию в 2013 г. граждан Турции (около 123 тыс. человек) въехали на территорию РФ как туристы⁶⁰. Если же учесть долю деловых поездок, замаскированных под туристические, то число туристов из Турции окажется еще более удручающим. Однако высокая степень активности турок-бизнесменов в России, зафиксированная в статистике пограничных служб, закладывает мощный фундамент под развитие делового партнерства. Только в 2012 г. объем турецких инвестиций в российскую экономику составил \$3,64 млрд., а их совокупный объем подрядных контрактов превысил \$40 млрд.⁶¹

Очевидна необходимость всестороннего пересмотра политики в сфере привлечения туристов из Турции, выработка стимулирующих мер – комплексных турпакетов, формирование культуры целевого культурного туризма и т.д. Особенно учитывая тот факт, что низкий интерес к России как месту отдыха характерен не только для Турции, и масштаб проблемы существенно больше.

Сотрудничество в сфере образования

Значительная роль в гуманитарном сотрудничестве принадлежит развитию образовательных и научных связей. Сотрудничество

---

⁵⁹ По данным Турецкой статической службы (*TÜİK*) – 4,27 млн. [Geçen yıl en çok turist Almanya ve Rusya'dan // CNN-Türk, 03/02/2014]. По данным Росстата – 4,1 млн., причем, согласно классификации Росстата, туристами из них считается 3,08 млн. [Показатели выезда российских граждан за рубеж за 2013 г. // Официальный сайт Федерального агентства по туризму Министерства культуры Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124141148/>].

⁶⁰ По количеству въехавших на территорию РФ Турция занимает 17-е место (385 тыс. человек), а по количеству туристов – 5-е место (123 тыс.) [Страны, лидирующие по количеству прибытий в Российскую Федерацию в 2013 году // Официальный сайт Федерального агентства по туризму Министерства культуры Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: <http://www.russiatourism.ru/rubriki/-1124141146/>].

⁶¹ Türkiye Mühendisler Birliği Nisan 2013 Sektör Analizi Raporu, S. 17. [Электронный ресурс] URL: http://www.tmb.org.tr/arastirma_yayinlar/tmb_bulten_nisan2013.pdf

в сфере образования содержит в себе мощный потенциал для развития российско-турецких отношений через создание новых и поддержание существующих каналов и моделей двустороннего диалога, стимулирование культурных и научных связей. Совместные образовательные проекты несут в себе и дополнительное значение: учитывая внушительную по численности российскую диаспору в Турции – более 50 тыс.⁶² и количество живущих и работающих в РФ граждан Турции – почти 60 тыс.⁶³, они могут служить развитию и наполнению позитивными смыслами двусторонних отношений в средне- и долгосрочной перспективе. Программы университетских образовательных и научных обменов (студенческих стажировок, исследовательских стипендий) не только способствуют укреплению межличностных и межинститутских связей, но и наполняют реальным содержанием прокламируемое стратегическое партнерство между Россией и Турцией. Помимо обменов студентами и преподавателями актуальным представляется создание и продвижение совместных образовательных и исследовательских грантов-стипендий, площадок для обмена опытом в сфере высшего и профессионального образования, управления частными и государственными образовательными учреждениями.

Популяризация турецкого языка в России посредством системы международных олимпиад достигла заметных успехов: в IX Всероссийской олимпиаде по турецкому языку (2013) участвовали 240 студентов из 36 образовательных учреждений⁶⁴. Для России организация аналогичных программ по продвижению рус-

---

⁶² «Получить точные статистические данные относительно численности соотечественников в Турции не представляется возможным по целому ряду объективных причин... Вместе с тем можно говорить примерно о 50 тыс. проживающих в Турции россиян» [Интервью Посла России в Турции В.Е. Ивановского // Консул, № 4 (19), декабрь 2009 г.

Общая численность выходцев из России и их потомков по некоторым подсчетам превышает 1 млн. [Как живет русский в Турции? // Форум иммиграции граждан из России и стран СНГ (http://emigration.russie.ru/news/7/11833_1.html)].

⁶³ Rusya'da Yaşayan Türklerin Sayısı Arttı // Rusya'nin Sesi Radyosu, 28/11/2013.

⁶⁴ Победители и лауреаты IX Всероссийской олимпиады по турецкому языку // Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. [Электронный ресурс] URL: <http://msu.ru/news/index.html?pagen=87>.

ского языка в Турции давно стала насущной необходимостью. Проведение конкурсов на знание русского и поощрение студентов, добившихся успехов в его изучении, могли бы существенно укрепить наблюдающийся рост интереса к русской культуре и словесности, яркий показатель которого – открытие отделений русского языка и литературы во многих университетах Турции.

Совместные научные и образовательные проекты давно стали императивом развития стратегического партнерства России и Турции как на текущий момент, так и на перспективу ближайшего десятилетия. Однако серьезные различия в образовательных системах двух стран, исторически обусловленные расхождениями в методиках преподавания академических дисциплин и методологии научных исследований – выступают пока еще не преодоленными препятствиями развития сотрудничества в сфере образования и научных исследований.

Российская академическая туркология обладает более чем 200-летней историей. На сегодняшний день в России существует 35 высших учебных заведений, где в том или ином объеме преподается турецкий язык, литература, история, экономика и политика. Только в рамках РАН функционирует десяток исследовательских институтов с отделами, секторами, лабораториями или же научными группами, занимающимися многоаспектным изучением Турции⁶⁵. В Турции отсутствует столь длительная традиция руссиеведения, а количество экспертов по изучению России (русского языка, культуры, истории и т.д.) весьма ограничено. Сравнительно низкий уровень квалифицированных знаний о России препятствует поступательному развитию двусторонних отношений в самых разных сферах. Несмотря на наличие кафедр русского языка и литературы в крупных университетах (*Erciyes Üniversitesi, Anadolu Üniversitesi, Atatürk Üniversitesi, Fatih Üniversitesi, Gazi Üniversitesi, Kafkas Üniversitesi, Avrasya Üniversitesi, Selçuk Üniversitesi*), преподавание русского языка и литературы на факультативных курсах ведущих турецких университетов (*İstanbul Üniversitesi, Ankara*

---

⁶⁵ Институт восточных рукописей РАН и Институт лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге, московские Институт лингвистических исследований РАН, Институт востоковедения РАН, Институт мировой экономики и международных отношений РАН и т.д.

Üniversitesi, Bilkent Üniversitesi, Boğaziçi Üniversitesi, Koç Üniversitesi, TOBB Üniversitesi, Okan Üniversitesi), уровень подготовки специалистов по России даже по признаниям самих турок остается пока на низком уровне. И России следует выработать скоординированную программу по развитию качественных российеведческих исследований в Турции и внедрению соответствующих образовательных программ. Поскольку образ России в Турции в значительной степени зависит от того, насколько турки, прежде всего турецкая молодежь, знакомы с российской историей, культурой, политикой. Необходимо деятельное присутствие российских ученых, преподавателей и экспертов в турецком образовательном и научном пространстве.

По официальной турецкой статистике, число российских студентов в турецких вузах на 2013 г. составило всего 567 человек⁶⁶. Преимущественно это представители тюркских народов России – татары, башкиры, якуты и др., поэтому число этнически русских студентов, получающих образование в Турции, крайне незначительно, при этом статистика ЮНЕСКО фиксирует более 50 тыс. россиян, обучающихся за границей в 2013 г. Количество турецких студентов в российских университетах тоже невелико – в 2012/2013 учебном году их насчитывалось не более 500 человек (общее число обучающихся за границей – более 20 тыс.⁶⁷), т.е. для них Россия не является предпочтительным местом получения высшего образования. Учитывая популярность у молодежи обеих стран получения высшего образования за границей, российским вузам необходимо усилить информационно-пропагандистские кампании, разработать совместные образовательные проекты с турецкими университетами, а также целевые программы для привлечения студентов из Турции.

---

⁶⁶ Т.С. Millî Eğitim Bakanlığı Strateji Geliştirme Başkanlığı. Millî Eğitim İstatistikleri. Örgün Eğitim, 2011–2012. [Электронный ресурс] URL: http://sgb.meb.gov.tr/meb_iys_dosyalar/2012_12/06021046_meb_istatistikleri_orgun_egitim_2011_2012.pdf.

⁶⁷ Т.С. Millî Eğitim Bakanlığı Strateji Geliştirme Başkanlığı. Millî Eğitim İstatistikleri. Örgün Eğitim, 2011–2012. [Электронный ресурс] URL: http://sgb.meb.gov.tr/meb_iys_dosyalar/2012_12/06021046_meb_istatistikleri_orgun_egitim_2011_2012.pdf.

Развитию сотрудничества в сфере высшего образования мешает не только слабое информационное освещение деятельности и возможностей российских вузов, но и сложности признания дипломов и эквивалентности образовательных программ, серьезно затрудняющие процедуру студенческих обменов и превращающие многочисленные партнерские соглашения между российскими и турецкими университетами⁶⁸ в нереализуемые декларации о намерениях.

В России весьма ограниченное распространение имеют международные студенческие обмены (наподобие программы Эразмус⁶⁹), а большинство университетов в качестве языка обучения используют исключительно русский, не предоставляя альтернативных курсов на европейских языках. Кроме того, российская система образования последние пять лет находится в стадии перманентного реформирования.

На ближайшую перспективу приоритетными направлениями сотрудничества в сфере образования должны стать проекты по созданию совместных университетов и научных центров, пересмотру и совершенствованию системы грантов и стипендий (с упором на магистерские и аспирантские программы), расширению масштабов совместных научных проектов. Большого внимания требует вопрос укрепления связей в сфере высшего образования и расширения многоуровневого сотрудничества российских вузов с их турецкими партнерами (обмены студентами и преподавателями, совместные конференции и семинары, издание научных и научно-популярных работ в двуязычном формате). Насущный вопрос – активизация реального сотрудничества между учеными двух стран по широкому кругу вопросов, способствующих повышению взаимопонимания

---

⁶⁸ Яркий пример – соглашения МГУ с Анкарским университетом, Черноморским университетом, или же договоры СПбГУ с Университетом Гази, Анатолийским университетом и т.д.

⁶⁹ Некоммерческая программа по обмену студентами и преподавателями Эразмус [ERASMUS Student Mobility for Studies] действует между университетами стран ЕС, а также Исландии, Лихтенштейна, Македонии, Норвегии, Турции. программа предоставляет возможность обучаться, проходить стажировку или преподавать в другой стране, участвующей в программе (сроки стажировок варьируются от трех месяцев до одного года).

культурных особенностей, специфики внутренней и внешней политики двух стран. Поэтому встает необходимость налаживания механизма регулярных конференций высокого научного уровня по внешнеполитической и социально-политической тематике на двусторонней и многосторонней основе.

Публичная дипломатия и межкультурный диалог

Большую роль в развитии гуманитарного сотрудничества играет публичная дипломатия – дипломатия межличностных отношений и негосударственных акторов (НПО, творческих коллективов и т.д.). На этом направлении успешно действует Гражданский форум, созданный в рамках Совета сотрудничества высшего уровня, а также культурные центры, формирующие альтернативные каналы и площадки для выработки и реализации перспективных направлений двустороннего сотрудничества.

В марте 2013 г. правительство РФ утвердило госпрограмму «Внешнеполитическая деятельность», одна из составляющих которой – подпрограмма Россотрудничества «Осуществление деятельности в сферах международного гуманитарного сотрудничества и содействия международному развитию»⁷⁰. Взаимодействие с зарубежными странами по всем направлениям гуманитарных связей признано самостоятельным и наиболее эффективным механизмом налаживания межцивилизационного диалога, обеспечения взаимопонимания и преодоления конфронтации. На уровне дву-

---

⁷⁰ Государственная программа РФ «Внешнеполитическая деятельность», утвержденная распоряжением Председателя Правительства РФ Дмитрия Медведева от 20 марта 2013 г. N 386-р. [Электронный ресурс] URL: <http://government.ru/media/files/41d47c45e511cafb95b7.pdf>.

Документ включает в себя комплекс мероприятий, результаты реализации которых позволят в рамках государственной внешней политики укрепить взаимодействие с зарубежными странами по всем направлениям гуманитарных связей в качестве самостоятельного и одного из наиболее эффективных средств налаживания межцивилизационного диалога, достижения согласия и обеспечения взаимопонимания между народами, преодоления конфронтации в мире.

Целью подпрограммы является развитие активности в сферах международного гуманитарного сотрудничества и содействия международному развитию.

сторонних инициатив правительственная программа предполагает создание научных и культурных центров, проведение «перекрестных годов» и т.д. Еще в декабре 2012 г. эти инициативы были зафиксированы в рамках двусторонних соглашений о сотрудничестве в культурной области на 2012–2015 гг., по итогам третьего заседания российско-турецкого Совета сотрудничества высшего уровня. Москва в реализации и институционализации подобных программ заметно отстает от Анкары: при поддержке турецких бизнесменов с 2011 г. в Москве активно функционирует «Турецко-российский культурный центр», а создание аналогичной российской структуры в Турции только планируется.

Для гражданских инициатив – подобных созданию культурных центров – насущно необходимо реализовывать свои проекты, исходя из стратегической задачи сближения российского и турецкого общества. Для культурных центров, создаваемых при непосредственной государственной поддержке, важно осознать потребность разработки совместных российско-турецких проектов, взаимовыгодного сотрудничества и обмена опытом, а не выстраивания конкурентной борьбы друг с другом. Растущее число россиян, получивших турецкое гражданство или вид на жительство в Турции, резко повышает актуальность поддержки российских культурных центров и ассоциаций, облегчающим адаптацию мигрантов к условиям жизни в Турции.

Существует несколько неправительственных организаций, действующих на двустороннем треке в Турции (Ассоциация российско-турецкого сотрудничества, дружбы и культуры⁷¹, Ассоциация русской культуры в Анкаре⁷², Российское общество просвещения, культурного и делового сотрудничества⁷³, Общество изучения русского языка и культуры им. А.И. Солженицина⁷⁴ и др.) и

---

⁷¹ Rusya-Türkiye İşbirliği, Dostluk ve Kültür Derneği – RUDER. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rutuder.com/page/15/>.

⁷² Ankara Rus Kültür Derneği. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusankara.com/>.

⁷³ Rusya Eğitim Kültür ve İşbirliği Derneği. [Электронный ресурс] URL: <http://ruskulturmerkezi.com.tr/>.

⁷⁴ İzmir Soljenitsin Rus Dili ve Kültürü Derneği. [Электронный ресурс] URL: <http://www.russkiyizmir.com/>.

России (московский Турецко-российский культурный центр⁷⁵, Российско-турецкий культурный центр в Санкт-Петербурге⁷⁶, Ассоциация развития турецкой культуры в Твери и др.). Одно из главных направлений деятельности этих НПО – организация фестивалей культуры в России и Турции.

В последние годы Турция проводит в крупнейших российских городах «Дни турецкой культуры», объединяющие разнообразные культурно-просветительские мероприятия (фестивали, выставки, конкурсы, творческие встречи и т.д.), причем с каждым годом растет как география участвующих регионов, так и уровень самих мероприятий. Так, весной 2013 г. «Дни турецкой культуры» проходили в Обнинске. Зеркальные мероприятия, посвященные российской культуре, также с успехом проводятся в Турции, причем при серьезной поддержке турецкого бизнеса (как, например, Фестиваль русской культуры в Стамбуле в апреле 2013 г.). В процесс развития гуманитарного сотрудничества с Турцией включились и российские регионы: в 2013 г. в Турции прошли дни национальной культуры Республики Адыгея. Активность на этом направлении имеет смысл повысить и актуализировать, особенно в свете высокой популярности России в целом и российских регионов в частности у турецких туристов⁷⁷. Культурные фестивали – важный инструмент налаживания лучшего понимания между народами двух стран, однако их эффективность не всегда оказывается достаточно высокой. При проведении культурных мероприятий необхо-

---

⁷⁵ Türk-Rus Kültür Merkezi. [Электронный ресурс] URL: <http://www.turkishculture.ru/>.

⁷⁶ Rus-Türk Kültür Merkezi. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rusturkcenter.com/>.

⁷⁷ Необходимость этого признается на уровне правительства, о чем можно судить по повестке дня XX заседания Совета глав субъектов Российской Федерации (СГС) при МИД РФ, на котором открыто ставилась задача о более масштабном использовании региональными администрациями зарубежной инфраструктуры Россотрудничества (российских центров науки и культуры) для проведения презентаций экономического, инвестиционного и научно-образовательного потенциала, программ работы с соотечественниками и т. д.

[См.: Об итогах XX заседания Совета глав субъектов Российской Федерации при МИД России (22/11/2012) // Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт.

димо обращать особое внимание на их информационное сопровождение: лучшая осведомленность общественности (анонсы и репортажи) – залог успеха подобных мероприятий.

Еще одна сфера гуманитарного сотрудничества Москвы и Анкары, направленная на повышение взаимного доверия и в данный момент требующая большего внимания – парламентская дипломатия. Базовым механизмом, помимо межпартийных контактов, здесь выступает межпарламентская группа дружбы «Россия и Турция» Совета Федерации РФ; одна из ключевых задач этой структуры – гармонизация законодательств двух стран в сфере торгово-экономических отношений, таможенно-тарифного законодательства и ряда других острых проблем, тормозящих взаимовыгодное партнерство. Для развития делового сотрудничества сейчас особенно актуально создание гарантий предпринимательской деятельности турецких компаний в России и российских – в Турции, чтобы законопослушный предприниматель – и турецкий, и российский – мог чувствовать себя защищенным.

Развитие отношений России и Турции происходит в условиях нарастания не только кризисных явлений на обширном пространстве региона БВВ, но и очевидного усиления глобальной взаимозависимости. И гуманитарное сотрудничество как базовый инструмент «мягкой силы» неслучайно признан одним из приоритетных направлений внешней политики РФ, несмотря на свою традиционно высокую затратность.

Послесловие

После распада Советского Союза в развитии отношений России и Турции можно выделить несколько этапов, отличающихся не только и не столько пересмотром основных целей и задач в системе взаимных связей, сколько изменением более широкого международного контекста. Так, в начале 1990-х гг. одной из отличительных характеристик внешней политики Турции было стремление получить своего рода «политическую компенсацию» за годы существования под прессингом сильного «северного соседа», когда Турция была вынуждена ставить во главу угла внешней политики обеспечение национальной безопасности. Это ограничивало ее самостоятельность в вопросах международных отношений, зачастую не давая возможности отделить свою собственную позицию от интересов США и НАТО. Поэтому в 1990-е гг. на фоне ослабления России наблюдалась заметная активизация Турции в освободившихся от российского влияния новых независимых государствах Центральной Азии и Кавказа, а также в ставших более самостоятельными тюркских регионах России, что ожидаемо привело к взаимному охлаждению политических отношений.

Разочарование в эффективности политики вытеснения России из зоны ее традиционного влияния, затратный, как оказалось, характер «тюркского броска», очевидно деструктивные последствия политического охлаждения с Москвой на фоне активного расширения турецко-российских экономических связей дали импульс развитию политического диалога между Турцией и Россией. Этому же способствовал и приход к власти в 2002 г. Партии справедливости и развития, взявшей курс на глубокий пересмотр внешнеполитической стратегии. Однако заинтересованность Анкары в развитии отношений с Россией была изначально сугубо прагматична и фокусировалась в большой мере на вопросах международной торговли энергоресурсами. В результате идея стратегического партнерства

двух стран, хотя и была озвучена, едва ли может считаться реализованной на практике. Даже в 2000-е гг. – которые, по всей видимости, войдут в историю как «золотой период» российско-турецкой дружбы – совпадение позиций Москвы и Анкары по отдельным вопросам международной политики одновременно сопровождалось взаимным дистанцированием по другим. Но прагматизм взаимной заинтересованности, ставший отличительной чертой и главным фактором поступательного развития российско-турецких отношений, позволяет двум странам сглаживать острые углы политического и экономического сотрудничества, минимизируя отрицательное воздействие нестабильной международной конъюнктуры. И возникающие разногласия не становятся препятствием к продолжению взаимодействия в тех сферах, где противоречий удастся избежать.

Элиты России и Турции имеют сходные представления относительно функционирования современной мирополитической системы, детерминантами которой, по их мнению, должны выступать принципы полицентричности и широких возможностей для взаимодействия в различных глобальных и региональных форматах. Обе страны считают недопустимым существование однополярного мира, рассматривают борьбу против политического экстремизма и радикализма в качестве приоритетного направления международного сотрудничества, сходятся в оценках экономической глобализации как процесса, имеющего не только позитивные, но и негативные последствия. Более того, за последние два десятилетия России и Турции удалось во многом избавиться от наследия блоковой конфронтации, деидеологизировать двусторонние отношения. Однако в сегодняшнем формате отношений Москвы и Анкары ощущается достижение «пределов роста»: существующая модель сотрудничества с ее экономической доминантой во многом себя исчерпала, а потенциал кооперации по политическим вопросам остается нереализованным. И взаимодействие на обширном пространстве ББВ в сфере безопасности – заинтересованность в которой у России и Турции очевидна, хотя и по-разному мотивирована – могло бы стать отправной точкой для дальнейшего развития двусторонних отношений.

Ситуация вокруг Сирии обнажила уязвимые стороны существующей модели российско-турецкого партнерства, выведя на новый уровень проблему дефицита доверия. Более четкая артикуля-

ция общих интересов и вызовов позволила бы минимизировать издержки несовпадения позиций по острым вопросам международных отношений.

На иракском направлении сферой сопряжения и разграничения интересов мог бы стать энергетический сектор иракского Курдистана: с одной стороны, российские технологии в сфере поиска и добычи углеводородных ресурсов, с другой – активно строящиеся и уже запущенные в эксплуатацию трубопроводы, соединяющие Ирак с Турцией.

При работе на иранском треке целесообразно опираться на близость позиций Москвы и Анкары, декларирующих схожие подходы к решению иранской ядерной проблемы. Скоординированное взаимодействие Москвы и Анкары с Тегераном возможно было бы по таким вопросам как предотвращение распространения экстремизма, нелегального оборота наркотиков и иных дестабилизирующих тенденций на регион Центральной Азии.

При выстраивании внешнеполитического курса на афганском направлении России необходимо принимать во внимание возможности и особые интересы Турции, демонстрирующей высокую активность в регионе (достаточно упомянуть регулярные трехсторонние встречи на высшем уровне между президентами Турции, Афганистана и Пакистана, ежегодно проводившиеся с 2007 г.⁷⁸, многочисленные турецкие гуманитарные проекты и резонансные международные конференции). Поле сотрудничества с Турцией в Афганистане у России весьма ограничено: Анкара достаточно давно сделала ставку на другие силы – США и Пакистан, который, по всей видимости, станет – наряду с Ираном – главным игроком на афганском направлении после ухода сил НАТО. И на афганском направлении Москва, по всей видимости, будет опираться – как во времена Советского Союза – на Иран и Индию – страны, заинтересованные в противодействии пакистано-саудовскому и американскому влиянию в регионе.

В регионе Центральной Азии Россия и Турция по многим позициям по-прежнему выступают как соперничающие стороны, что затрудняет взаимовыгодное сотрудничество. Перспектива участия

---

⁷⁸ Восьмой саммит состоялся в Анкаре 12 февраля 2014 г.

Турции в проекте Евразийского Союза, активно обсуждавшаяся в конце 2013 г., представляется труднореализуемой, учитывая существенное различие между российским и турецким прочтением евразийства. Сегодня Евразия и евразийская политика для Турции – это уже не только тюркские республики, ранее входившие в состав Советского Союза, а модель мира с Турцией как «центральный государством» «макро-региона Афразии».

В сфере экономического и энергетического сотрудничества России и Турции одной из первостепенных задач является преодоление дисбаланса торговых отношений, требующее не революционных, а эволюционных стратегий, ключевым элементом которых должна стать диверсификация структуры и форм двусторонней торговли. Проработка механизмов максимального привлечения среднего и мелкого капитала к участию в проектах на уровне субъектов РФ позволила бы расширить зону контакта с предпринимательским классом и создать условия для личного взаимодействия инвесторов.

В решении общей для России и Турции проблемы низкой доли высокотехнологичной продукции в национальном экспорте перспективными могли бы стать программы сотрудничества и обмена опытом в сфере производства продуктов с высокой добавленной стоимостью. Это позволило бы преодолеть ограниченность модели «энергосырье в обмен на потребительские товары» и выйти на уровень сотрудничества в производстве высокотехнологичных продуктов.

Быстро меняющаяся международная конъюнктура не только модифицирует характер российско-турецких отношений, но и создает зоны столкновения интересов. Одной из таких зон на сегодняшний день становится Крым, который в условиях обострения внутривосточного кризиса на Украине провел референдум о воссоединении с Россией⁷⁹.

---

⁷⁹ В ходе обострения политического кризиса на Украине в начале 2014 г. в стране происходили уличные столкновения с применением оружия и многочисленными человеческими жертвами; действующий президент Виктор Янукович был фактически отстранен от власти и вынужденно покинул Украину; в ряде регионов возобладала настроенная на автономизацию. 11 марта 2014 г. Верховный Совет АР Крым и Севастопольский горсовет приняли «Декларацию независимости» и 16 марта провели общекрымский референдум «о воссоединении с Россией».

Происходящее на Украине не может оставить в стороне Турцию по целому ряду причин: во-первых, Турция является черноморским государством и имеет общую границу с Украиной по Черному морю, а сама Украина, как и РФ, является членом Организации черноморского экономического сотрудничества; во-вторых, у Турции достаточно широкие экономические связи с Украиной, в которых крымское направление было одним из ведущих (достаточно сказать, что общее число работающих в Крыму турецких бизнесменов в 2013 г. превысило отметку в 5 тыс.); в-третьих, крымско-татарский фактор в условиях обострения политической борьбы в Турции имеет важное как внешнее, так и внутреннее значение (общая численность выходцев из Крыма и их потомков в Турции по разным источникам оценивается в 4–6 млн. человек).

Турция не признала вхождение Крыма⁸⁰ в состав РФ, объясняя свою позицию блоковой солидарностью с другими странами НАТО, и это создает серьезные ограничения для турецких инвестиций в Крыму. Однако есть надежда, что выработанная за 2000-е гг. модель отношений с доминантой прагматизма и ориентацией на учет взаимных интересов позволит со временем найти приемлемый механизм для работы турецких предпринимателей на Крымском полуострове.

Украинский кризис, резко изменивший контекст международных отношений, может стать прологом нового этапа и в российско-турецких отношениях. Опыт предыдущих лет показал устой-

---

⁸⁰ В связи с обострением ситуации вокруг Крыма турецкие и западные СМИ стали обсуждать возможные претензии Турции на Крым. Сюжет этот совсем не нов и уже неоднократно оказывался в поле зрения общественного внимания. Шестидесять лет назад передача Крымской области из РСФСР в состав Украинской ССР 19 февраля 1954 г. была неоднозначно воспринята в Анкаре. Некоторые турецкие газеты тогда писали об этом как о нарушении российско-турецких договоров полуторавековой давности. Тем не менее 1950-е гг. в советско-турецких отношениях были временем своеобразной «оттепели». В мае 1953 г. Москва официально заявила об отсутствии территориальных претензий к Турции (что снимало выдвинутые после окончания Второй мировой войны требования на возвращение Армянской ССР и Грузинской ССР территорий, присоединенных в 1918–1921 гг.); быстрыми темпами росли объемы советско-турецкой торговли, намечались возможности для расширения политического диалога, снимались острые вопросы поддержки сепаратизма. Все эти факторы способствовали тому, что в 1950-е гг. Анкара посчитала неуместным оспаривать статус Крыма.

чивую закономерность: только ослабление «парадигмы безопасности» способно заставить Турцию проводить более самостоятельную политику, частично дистанцировавшись от своих западных союзников. При пессимистичном сценарии развития двусторонних отношений Анкара будет склонна актуализировать «парадигму безопасности», стремясь к сближению с Западом и поддержке его политики в отношении России. Важным индикатором стремления Москвы сохранить отношения с Турцией в новых реалиях, очевидно, станет позиция российских властей по вопросу крымских татар. Однако даже корректность российской стороны в этом вопросе не снимет всех проблем. Поэтому чрезвычайно важным окажется степень солидаризации Турции с новой энергетической политикой Европы, что будет определяться уровнем доступности для Турции тех альтернатив, на которые полагаются европейские страны.

Если события будут развиваться по более оптимистичному сценарию и доверие в отношениях с Россией все же удастся сохранить, а участие в новой энергетической стратегии Европы окажется слишком проблематичным для Турции, возникнет возможность ее дистанцирования от Европы, переход на своего рода нейтрально-посреднические позиции, в рамках которых турецкая элита попытается воплотить заветные планы превращения Турции в «энергетический мост» между Западом и Востоком. В этой роли Турция смогла бы оказаться полезной России для преодоления кризиса в торговле энергоресурсами со странами Запада.

Список источников и литературы

Официальные документы

Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании Совета Международной общественной организации «Императорского Православного Палестинского Общества» в Центре ИППО, Москва, 28 ноября 2012 г // Министерство иностранных дел РФ. [Электронный ресурс] URL:

http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/88083FCE66A13D3844257AC40040D335.

Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на юбилейной международной конференции «Россия в мире силы XXI века», приуроченной к 20-летию Совета по внешней и оборонной политике и 10-летию журнала «Россия в глобальной политике», Москва, 1 декабря 2012 г // Министерство иностранных дел РФ [Электронный ресурс] URL:

http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/30011D027DECDBF844257AC7003D39D0.

Государственная программа РФ «Внешнеполитическая деятельность», утвержденная распоряжением Председателя Правительства РФ Дмитрия Медведева от 20 марта 2013 г. № 386-р // Министерство иностранных дел РФ. [Электронный ресурс] URL:

[http://www.mid.ru/bdomp/activity.nsf/0/70c680302caf0cc744257b4000450bf3/\\$FILE/foreign_policy_activity.pdf](http://www.mid.ru/bdomp/activity.nsf/0/70c680302caf0cc744257b4000450bf3/$FILE/foreign_policy_activity.pdf).

Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова британской телерадиокорпорации Би-Би-си, Москва, 7 марта 2013 г // Министерство иностранных дел РФ. [Электронный ресурс] URL:

http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/3669F68A13D132FB44257B28002C5FBC.

Интервью Посла России в Турции В.Е. Ивановского, опубликованное в журнале «Консул» № 4 (19), декабрь 2009 г // Министерство иностранных дел РФ. [Электронный ресурс] URL:

http://www.mid.ru/ns_publ.nsf/cb8e241d18a8904ec3256fc7002ddc0e/a26c797ba51042d2c32576800031670a?OpenDocument.

- Концепция внешней политики Российской Федерации (Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.) // Министерство иностранных дел РФ. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F.
- Об итогах XX заседания Совета глав субъектов Российской Федерации при МИД России (22/11/2012) // Министерство иностранных дел РФ. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/bdomp/advisory_bodies.nsf/7c03d512c51c5db04425793b00452c00/442579410045854644257abe005502a3!OpenDocument.
- План действий по развитию сотрудничества между Российской Федерацией и Турецкой Республикой в Евразии от 16 ноября 2001 г // Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://www.mid.ru/bul_newsite.nsf/kartaflat/01.03.
- Пресс-конференция по итогам заседания Совета сотрудничества высшего уровня между Россией и Турцией. 22 ноября 2013 г., Санкт-Петербург // Сайт Президента России. [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/transcripts/19677>.
- Совместная декларация об углублении дружбы и многопланового партнерства между Российской Федерацией и Турецкой Республикой (6 декабря 2004 г.) // Сайт Президента России. [Электронный ресурс] URL: <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2004/12/80719/161826.shtml>.
- Davutoğlu, Ahmet (Dışişleri Bakanı)*. 2013 Yılına Girerken Dış Politikamız. Dışişleri Bakanlığı'nın 2013 Mali Yılı Bütçe Tasarısının TBMM Genel Kurulu'na Sunulması Vesilesiyle Hazırlanan Kitapçık. – Ankara, 2012. [Электронный ресурс] URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/butce_2013.pdf.
- Davutoğlu, Ahmet (Dışişleri Bakanı)*. 2014 Yılına Girerken Dış Politikamız. Dışişleri Bakanlığı'nın 2014 Mali Yılı Bütçe Tasarısının TBMM Genel Kurulu'na Sunulması Vesilesiyle Hazırlanan Kitapçık // Т.С. Dışişleri Bakanlığı. [Электронный ресурс] URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2014-yilina-girerken-dis-politikamiz.pdf.
- Dış Politika. Genel Görünüm // Т.С. Dışişleri Bakanlığı. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.tr/genel-gorunum.tr.mfa>.
- Speech Delivered by the Minister of Foreign Affairs H.E. Ahmet Davutoğlu at the 28th Annual Conference on US-Turkish Relations Organized by

- ATC-DEIK: “Turkey-US relations: A Model Partnership, Global and Regional Dimensions” (Washington DC, 2 June 2009) // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. [Электронный ресурс] URL: http://www.mfa.gov.tr/minster_s-speechat-the-28th-annual-conference-on-us-turkish-relations.en.mfa.
- T.C. Merkez Bankası. Temel Ekonomik Gelişmeler. [Электронный ресурс] URL: http://www.tcmb.gov.tr/research/ekonomikgelismeler/ekonomik_gelisme.pdf.
- T.C. Millî Eğitim Bakanlığı Strateji Geliştirme Başkanlığı. Millî Eğitim İstatistikleri. Örgün Eğitim, 2011–2012. [Электронный ресурс] URL: http://sgb.meb.gov.tr/meb_iys_dosyalar/2012_12/06021046_meb_istatistikleri_orgun_egitim_2011_2012.pdf.
- TİKA 2012 Annual Report. Ankara, 2013. [Электронный ресурс] URL: <http://store.tika.gov.tr/yayinlar/faaliyet-raporlari/tika2012AnnRep.pdf>
- Türkiye – Libya Ekonomi ve Ticari İlişkileri // T.C. Dışişleri Bakanlığı. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.tr/sub.tr.mfa?c67c8a27-d1e5-40f3-bc18-d8287b8f6e7b>.
- T.C. Dış İşleri Bakanlığı. Bakanlık Açıklamaları [Электронный ресурс] URL: <http://www.mfa.gov.tr/aciklamalar-genel.tr.mfa>.
- Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanı Ahmet Davutoğlu'nun Irak Dışişleri Bakanı Hoşyar Zebari İle Yaptığı Ortak Basın Toplantısı, 25 Ekim 2013, Ankara. Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri, Açıklamalar, Basın Toplantıları, Ortak Basın Toplantıları // T.C. Dışişleri Bakanlığı [Электронный ресурс] URL: http://www.mfa.gov.tr/disisleri-bakani-sayin-ahmet-davutoglu_nun-irak-disisleri-bakani-hosyar-zebari-ile-ortak-basin-toplantisi_-25-ekim-2013_-ankara.tr.mfa.
- Türkiye ve Libya Ekonomik-Ticari İlişkiler Bilgi Notu, 04.07.2012 // Türkiye Trablus Büyükelçiliği (T.C. Dışişleri Bakanlığı). [Электронный ресурс] URL: <http://trablus.be.mfa.gov.tr/ShowInfoNotes.aspx?ID=157183>.

Литература на русском языке

- Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р.* Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М.: ИВ РАН, 2013.
- Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? М.: Институт востоковедения РАН, 2012.

- Васильев А.М.* Египет после выборов // *Азия и Африка сегодня*, 2012, № 4, с. 2–15.
- Васильев А.М., Виницкий Д.И.* Египетская конституция: исламское «да» светскому «нет» // *Азия и Африка сегодня*, 2013, № 3, с. 2–10.
- Воронин Е.* Ливийская операция НАТО: стратегия, «твердая» и «мягкая» сила, итоги. Аналитические доклады ИМИ, Выпуск 1 (31). – М.: МГИМО-Университет, 2012.
- Глисон Г.* Многополярность, американская исключительность и переосмысление истории // *Мировая экономика и международные отношения*, 2011, № 12, с. 110–120.
- Даутоглу, Ахмет.* Внешняя политика Турции и Россия // *Россия в глобальной политике*, 28/02/2010.
- Зеленев Е.И.* Смута, анархия, революция: арабская политическая культура на пути в будущее // *Азия и Африка сегодня*, 2012, № 1, с. 8–12.
- Иванова И.И.* Турецко-израильские отношения: новые тенденции развития // *Турция в период правления Партии справедливости и развития*. М., 2012, с. 105–126.
- Как живется русским в Турции? // Форум эмиграции граждан из России и стран СНГ. [Электронный ресурс] URL: http://emigration.russie.ru/news/7/11833_1.html.
- Корицкий А.А.* Турецко-израильские отношения: взгляд из Анкары // *Азия и Африка сегодня*, 2012, № 5, с. 37–42.
- Кортаев А.В., Зинькина Ю.В.* Структурно-демографические факторы «арабской весны» // Протестные движения в арабских странах: предпосылки, особенности, перспективы. Материалы конференции «круглого стола». М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
- Лукьянов Ф.А.* Европа, которую мы еще не видели // *ProetContra*, Т. 16, № 1–2, январь-апрель 2012, с. 68–82.
- Мейер М.С.* Перспективы развития российско-турецких университетских связей // *Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование*, № 1 (2013), с. 114–126.
- Мейер М.С.* 520 лет дипломатическим отношениям России и Турции // *Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией*. Т. 1. Москва – Стамбул, 2012, С. 11–17.

- Мельянцева В.А.* Арабские страны: кризис модели развития // Азия и Африка сегодня, 2012, № 5, с. 17–20.
- Мирский Г.* Когда обруч лопнул // *Независимая газета*, 07/09/2011.
- Мирский Г.И.* Ближневосточные потрясения и Западный мир // *Мировая экономика и международные отношения*, 2013, № 2, с. 51–62.
- Мозлов А.Т.* Договор о дружбе и братстве между Россией и Турцией и российско-турецкие отношения // *Исторические, культурные и экономические связи между Турцией и Россией. Материалы международного симпозиума, Стамбул, 5 апреля 2012 г.* / Сост. О.Ю. Кузнецов. – М.: Турецко-русский культурный центр, 2012, с. 91–97.
- Наумкин В.В.* Ислам и мусульмане: культура и политика. Москва-Н. Новгород: Медина, 2008.
- Наумкин В.В.* Снизу вверх и обратно. «Арабская весна» и глобальная международная система // *Россия в глобальной политике*, 02.08.2011. [Электронный ресурс] URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277>.
- Наумкин В.В.* Исламский радикализм в зеркале новых концепций. М.: КомКнига, 2005.
- Наумкин В.В.* Культурное многообразие, демократия и хорошее управление // *Россия в глобальной политике*, 01/05/2013. [Электронный ресурс] URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Kulturnoe-mnogoobrazie-demokratiya-i-khoroshee-upravlenie-15956>.
- Наумкин В.В.* Многомерный кризис. Разнообразное воздействие украинской коллизии на миропорядок // *Россия в глобальной политике*, 27/04/2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Mnogomernyi-krizis-16580>.
- Наумкин В.В.* Цивилизации и кризис наций-государств. О чем спорят в России и не только // *Россия в глобальной политике*, 19/02/2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Tsiviliizatsii-i-krizis-natsii-gosudarstv-16393>.
- План Лаврова для спасения Ирана // *Независимая газета*, 16/08/2011.
- Победители и лауреаты IX Всероссийской олимпиады по турецкому языку // *Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова*. [Электронный ресурс] URL: <http://www.iaas.msu.ru/novosti-isaapobediteliilaureatyixvserossijskojoliimpiadypotureckomuazyku>.

- Примаков Е.* «Арабская весна» и теория столкновения цивилизаций // Российская газета. 27/07/2011.
- Путин В.В.* Россия и меняющийся мир // Московские новости, 27/02/2012.
- Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабская весна 2011 года. М.: Изд-во ЛКИ, 2011.
- Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабский мир после Арабской весны. М.: URSS, 2013.
- Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. М.: URSS, 2010.
- Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Центральная Азия: новые вызовы. М.: URSS, 2012.
- Системный мониторинг глобальных рисков: Арабская весна 2011 года. М.: Изд-во ЛКИ, 2012.
- Стародубцев И.И.* Трансформирующаяся Турция. М.: Ин-т Ближнего Востока, МГИМО, 2011
- Стегний П.В.* Ближневосточный «кубик Рубика»: проблемы сборки. Размышления о первом этапе «арабской весны» // Россия в глобальной политике, 07/11/2013.
- Стегний П.В.* Ближний Восток: по-версальски или по-вестфальски? Смыслы, подтексты и повестка дня «арабской весны» // Россия в глобальной политике, 23/12/2012.
- Стегний П.В.* Неопределенные перспективы. «Арабская весна»: вызовы для России и Европы // Россия в глобальной политике, 30/05/2013.
- Тренин Д.* Россия и кризис в Сирии. – М.: Карнеги, 2013.
- Турцию изобличили в поставках оружия сирийским мятежникам // *Независимая газета*, 18/12/2013.
- Турция глазами россиян // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). [Электронный ресурс] URL: <http://wciom.ru/index.php?id=266&uid=8885>.
- Турция надеется принять 4,5 млн. российских туристов в 2014 году // *Газета.ру*, 19.03.2014
- Ульченко Н.Ю.* Новый путь Турции? // *Мировая экономика и международные отношения*, 2012, № 6, с. 90–101.

- Ульченко Н.Ю.* Турция, июнь 2013 г. Экономическая подоплека протестных выступлений // *Азия и Африка сегодня*, 2014, № 2, с. 26–29.
- Ульченко Н.Ю.* Турция: финансовая стабильность под угрозой? (к вопросу о попытке введения бюджетного правила) // *Восток. Афроазиатские общества: история и современность*, 2013, №3, с. 75–87.
- Ульченко Н.Ю., Орешкова С.Ф., Репенкова М.М.* Россия и Турция. Прыжок через пропасть (1960–1979). – М.: Издательство «Просвещение», 2011.
- Ульченко Н.Ю.* Турецкое «экономическое чудо»: образец для подражания // *Азия и Африка сегодня*, 2011, № 12, с. 17–23.
- Устинов Е.И.* Этноконфессиональный фактор дестабилизации на Ближнем Востоке // *Азия и Африка сегодня*, 2013, № 2, с. 46–51.
- Цатурян С.А.* Стратегия ненасильственного сопротивления на Ближнем Востоке и в Северной Африке: роль США // *США и Канада: политика, экономика, идеология*, 2012, № 9, с. 71–85.
- Цветкова Н.А.* Иран в публичной дипломатии США // *Азия и Африка сегодня*, 2012, № 3, с. 29–34.
- Чешков М.* «Арабская весна» и судьбы постсоветских государств // *Мировая экономика и международные отношения*, 2012, № 7, с. 122–123.
- Шлыков П.В.* Гражданское общество в Турции: иллюзии и реальность // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*, 2009, № 1, с. 109–121.
- Шлыков П.В.* Куда идёт Турция? // *Современная Европа*, 2013, № 1 (53), с. 58–75.
- Шлыков П.В.* Политический ислам в Турции: поиски новой идентичности // *Вестник Московского университета. Серия 13 «Востоковедение»*, 2008, № 4, с. 56–79.
- Шлыков П.В.* Турция после выборов 2011 г.: парадоксы политического развития. // *Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение*, 2012, № 3, с. 3–28.
- Шлыков, Павел.* «Антикемалистская» революция: куда идет Турция? // Семинар в московском центре Карнеги [Электронный ресурс] URL: <http://www.carnegie.ru/events/?fa=3422>.
- Шубин В.Г.* Африка и война в Ливии // *Азия и Африка сегодня*, 2013, № 2, с. 11–17.

Литература на английском и турецком языках

- Afghanistan: Hamid Karzai reveals US will retain nine bases after withdrawal // *The Guardian*, 9/05/2013.
- Ajami, Fouad*. The Arab Spring at One: A Year of Living Dangerously // *Foreign Affairs*, Vol. 91 (2), Mar/Apr 2012, p. 56–65.
- Almanya'ya olumlu İsrail'e olumsuz bakış // *Milliyet*, 24/05/2013.
- Altunışık, Meliha Benli. Tüür, Özlem*. From Distant Neighbors to Partners? Changing Syrian-Turkish Relations // *Security Dialogue*, Vol. 37, No. 2 (2006), p. 229–248.
- Atasoy, Seymen*. The Turkish Example: A Model for Change in the Middle East? // *Middle East Policy*, Vol. 18, No. 3 (2011), p. 86–100.
- Ayoob, Mohammad*. Beyond the Democratic Wave in the Arab World: The Middle East's Turko-Persian Future // *Insight Turkey*, Vol. 13, No. 2 (2011), p. 57–70.
- Berman, Sheri*. The Promise of the Arab Spring: In Political Development, No Gain Without Pain // *Foreign Affairs*, Vol. 92 (1), Jan/Feb 2013, p. 64–74.
- Bilgin, Pınar*. A return to “Civilizational Geopolitics” in the Mediterranean? Changing Geopolitical Images of the European Union and Turkey in the post-Cold War Era // *Geopolitics*, Vol. 9, No. 2 (2004), p. 269–291.
- Birand, Mehmet Ali*. Türkiye, Suriye'de frene basıyor... // *Milliyet*, 27/09/2012.
- Davutoğlu, Ahmet*. *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu*. İstanbul: Küre Yayınları, 2001.
- Dinçer, Bahadır. Kutlay, Mustafa*. Türkiye'nin Ortadoğu'daki Bölgesel Güç Kapasitesi: Mümkünün Sınırları // *Uluslararası Stratejik Araştırmalar Kurumu (USAK)*, Nisan 2012.
- DNO'dan Türkiye Sınırına İkinci Boru Hattı. Norveçli enerji şirketi DNO, K.İrak'tan Türkiye sınırına ikinci bir boru hattı inşa edecek // *Dünya Gazetesi*, 20/02/2014/
- Gause, F. Gregory*. Why Middle East Studies Missed the Arab Spring: The Myth of Authoritarian Stability // *Foreign Affairs*, Vol. 90 (4), Jul/Aug 2011, p. 81–90.
- Geneva Talks Hold the Only Key to Syria // *International Herald Tribune*, 12/06/2013.

- Hampetrol ve Doğal Gaz Sektör Raporu. Ankara: Türkiye Petrolleri A.O. Genel Müdürlüğü, 2013.
- Jones, Seth G.* The Mirage of the Arab Spring: Deal With the Region You Have, Not the Region You Want // Foreign Affairs, Vol. 92 (1), Jan/Feb 2013, p. 55–63.
- K. Irak petrolüne yeni hat kurulacak // Milliyet, 20/02/2014.
- Kane, Sean.* The Coming Turkish Iranian Competition in Iraq // United State Institute of Peace (USIP) Special Report, 276, June 2011.
- Keyman, Fuat.* Globalization, Modernity and Democracy: Turkish Foreign Policy 2009 and Beyond // Perceptions: Journal of International Affairs, Vol. XV, No. 3–4 (2010), p. 1–20.
- Kirişci, Kemal.* Turkey’s “Demonstrative Effect” and the Transformation of the Middle East // Insight Turkey, Vol. 13, No. 2 (2011), p. 35–55.
- Koc, Malike Bileydi.* Reflections on the Davos Crisis in the Turkish Press and the Views of Opinion Leaders of the Turkish Jews on the Crisis // Turkish Studies, Vol. 12, No. 3, p. 383–398.
- Kuru, Ahmet.* Secularism and State Policies toward Religion: The United States, France, and Turkey. Cambridge University Press, 2009.
- Larrabee, F. Stephen.* Turkey Rediscovered the Middle East // Foreign Affairs, Vol. 86 (4), Jul/Aug 2007, p. 103–114.
- Larrabee, F. Stephen.* Turkey’s New Geopolitics // Survival, Vol. 52, No. 2 (2010), p. 157–180.
- Michaels, Adrian.* Turkey Says Joining EU is Still Top Priority // The Telegraph, 8/07/2010.
- Öktem, Kerem.* Angry Nation: Turkey Since 1989. L.: Zed Books, 2011.
- Öniş, Ziya.* Conservative Globalists versus Defensive Nationalists: Political Parties and Paradoxes of Europeanization in Turkey // Journal of Southern Europe and the Balkans, Vol. 9, No. 3 (2007), p. 247–261.
- Öniş, Ziya.* Multiple Faces of the ‘New’ Turkish Foreign Policy: Underlying Dynamics and a Critique // Insight Turkey, Vol. 13, No. 1 (2011), p. 47–65.
- Ortadoğu’da Türkiye Algısı 2012. İstanbul: TESEV Yayınları, 2012.
- Rusya’da Yaşayan Türklerin Sayısı Arttı // Rusya’nın Sesi Radyosu, 28/11/2013.
- Saudi Arabia Strategic Weapons Systems // Jane’s Sentinel Security Assessment-The Gulf States, Jun 2012.

Soler i Lecha, Eduard. The EU, Turkey, and the Arab Spring: From Parallel Approaches to a Joint Strategy? // Turkey and the Arab Spring: Implications for Turkish Foreign Policy From a Transatlantic Perspective. The German Marshall Fund of the United States (GMF) Mediterranean Paper Series, 2011.

Stack, Liam. In Slap at Syria, Turkey Shelters Anti-Assad Fighters // The New York Times, 27/10/2011.

The 2011 Annual Arab Public Opinion Survey. [Электронный ресурс] URL:

http://www.brookings.edu/~media/events/2011/11/21%20arab%20public%20opinion/20111121_arab_public_opinion.pdf/.

Türkiye Müteahhitler Birliği Nisan 2013 Sektör Analizi Raporu. [Электронный ресурс] URL:

http://www.tmb.org.tr/arastirma_yayinlar/tmb_bulten_nisan2013.pdf.

Updegraff, Ragan. The Kurdish Question // Journal of Democracy, Vol. 23, No. 1 (2012), p. 119–128;

US – Iranian Competition in the Gulf Military Balance – II: The Missile and Nuclear Dimensions (10th Edition), CSIS, Washington D.C., 2012.

Yaşar Yakış AKP'nin Suriye Politikasını Yerden Yere Vurdu // Aktif Haber, 11/01/2014.

Периодические издания

Независимое военное обозрение. [Электронный ресурс] URL:

<http://nvo.ng.ru/>

Военно-промышленный курьер. Общероссийская еженедельная газета.

[Электронный ресурс] URL: <http://vpk-news.ru>

Газета.ру [Электронный ресурс] URL: <http://www.gazeta.ru/>

Голос России. [Электронный ресурс] URL: <http://rus.ruvr.ru/>

Коммерсант. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kommersant.ru/>

Московские новости. [Электронный ресурс] URL: <http://www.mn.ru/>

Независимая газета. [Электронный ресурс] URL: <http://www.ng.ru/>

Известия. [Электронный ресурс] URL: <http://izvestia.ru/>

Ведомости. [Электронный ресурс] URL: <http://www.vedomosti.ru/>

Московский комсомолец. [Электронный ресурс] URL:
<http://www.mk.ru/>

Аргументы и факты. [Электронный ресурс] URL: <http://www.aif.ru/>

РБК. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rbc.ru/>

РИА-Новости. [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/>

Российская газета. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rg.ru/>

Россия в глобальной политике. [Электронный ресурс] URL:
<http://www.globalaffairs.ru/>

Aksam. [Электронный ресурс] URL: <http://www.aksam.com.tr/>

Aktif Haber. [Электронный ресурс] URL: <http://www.aktifhaber.com/>

Analist Dergisi. [Электронный ресурс] URL: <http://www.usakanalist.com/>

CNN-Türk [Электронный ресурс] URL: <http://www.cnntrk.com/>

Euronews. [Электронный ресурс] URL: <http://www.euronews.com/>

Hürriyet. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hurriyet.com.tr/>

International Herald Tribune. [Электронный ресурс] URL:
<http://www.iht.com/>

Lenta.ru. [Электронный ресурс] URL: <http://lenta.ru/>

Milliyet. [Электронный ресурс] URL: <http://www.milliyet.com.tr/>

Pro et Contra. Ежеквартальный журнал. [Электронный ресурс] URL:
<http://carnegie.ru/proetcontra/>

Rusya'nin Sesi Radyosu. [Электронный ресурс] URL:
<http://turkish.ruvr.ru/>

Sabah. [Электронный ресурс] URL: <http://www.sabah.com.tr/>

The Guardian. [Электронный ресурс] URL:
<http://www.theguardian.com/uk>

The Telegraph. [Электронный ресурс] URL: <http://www.telegraph.co.uk/>

Today's Zaman. [Электронный ресурс] URL:
<http://www.todayszaman.com/>

UN News Centre. [Электронный ресурс] URL:
<http://www.un.org/apps/news/latest-headlines.asp>

Zaman. [Электронный ресурс] URL: <http://www.zaman.com.tr/haber>

Интернет-ресурсы

Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). URL:
<http://wciom.ru/>

Государственная Дума Федерального Собрания РФ. URL:
<http://www.duma.gov.ru/>

Институт Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru>

Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова. Новости.
URL: <http://www.iaas.msu.ru/index.php/ru/novosti>

Министерство иностранных дел РФ. Официальный сайт. URL:
<http://www.mid.ru/bdomp/sitemap.nsf>

Московский центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/>

Новое восточное обозрение. URL: <http://ru.journal-neo.org/>

Посольство РФ в Турции. URL: <http://www.turkey.mid.ru/rus/index.html>

Посольство Турецкой Республики в РФ. URL:
<http://moscow.emb.mfa.gov.tr/>

Российский совет по международным делам – РСМД. URL:
<http://russiancouncil.ru/>

Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/>

Совет безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/>

Совет Федерации Федерального Собрания РФ. URL:
<http://www.council.gov.ru/>

Федеральное агентство по туризму Министерства культуры РФ. URL:
<http://www.russiatourism.ru/>

Ankara Rus Kültür Derneği. URL: <http://www.rusankara.com/>

Carnegie Endowment for International Peace. URL:
<http://carnegieendowment.org/>

ERASMUS Student Mobility for Studies. URL:
http://ec.europa.eu/education/erasmus/study_en.htm

Global Əliqokiler Forumu (GƏF) – Global Relations Forum (GRF). URL:
<http://www.gif.org.tr/>

İzmir Soljenitsin Rus Dili ve Kültürü Derneği. URL:
<http://www.russkiyizmir.com/>

Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. URL:
<http://www.mfa.gov.tr/default.en.mfa>

Rus-Türk Kültür Merkezi. URL: <http://www.rusturkcenter.com/>

Rusya Eğitim Kültür ve İşbirliği Derneği. URL:
<http://ruskulturmerkezi.com.tr/tr/>

Rusya-Türkiye İşbirliği, Dostluk ve Kültür Derneği – RUDER. URL:
<http://www.rutuder.com/>

Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). URL:
<http://www.sipri.org/>

T.C. Başbakanlık URL: <http://www.basbakanlik.gov.tr/>

T.C. Dışişleri Bakanlığı. URL: <http://www.mfa.gov.tr/default.tr.mfa>

T.C. Kültür ve Turizm Bakanlığı. URL: <http://www.kultur.gov.tr/>

T.C. Merkez Bankası. URL: <http://www.tcmb.gov.tr/>

The World Bank. URL: <http://www.worldbank.org/>

Türkiye Büyük Millet Meclisi (TBMM). URL: <http://www.tbmm.gov.tr/>

Türkiye İstatistik Kurumu [Электронный ресурс] URL:
<http://www.tuik.gov.tr/>

Türk-Rus Kültür Merkezi. URL: <http://www.turkishculture.ru/>

Uluslararası Stratejik Araştırmalar Kurumu – USAK. URL:
<http://www.usak.org.tr/>

WikiLeaks. URL: <https://wikileaks.org/wiki/Category:Turkey>

Summary

The book represents findings of a complex research project on the development of Russian-Turkish bilateral relations in the first decade of the 2000s which pretends to go down in history as a “golden age” of Russian-Turkish friendship. Pragmatism of mutual interests helped Moscow and Ankara to smooth and defuse acute angles in the political and economic relations, this stance also facilitated to minimize the negative influence of the international political situation. However the current format of Russian-Turkish bilateral relations seemed to gain the “limits of growth”: the model of cooperation with predominance of trade and economic has mostly played out and potential for cooperation in the political realm remains largely unexercised. The authors explore the possibilities for further progress in the bilateral relations and ways to bring these relations to the higher level. To this end, the authors scrutinize the dynamics of today situation in the political dialogue between the two states; analyze factors of development and stagnation in the mutual trade and economic relations; investigate possible ways for Russian-Turkish cooperation in the Middle East, Central Asia and the Caucasus; and consider the opportunities for interaction in the spheres of culture, education, etc.

Table of contents

Chapter I. Characteristics of bilateral relations in the first decade of the 2000s: Russia and Turkey in global politics	4
Chapter II. Russia and Turkey in the Middle Eastern politics	16
Challenges of the “Arab Spring”, crisis in Syria and pursuit of a new model for regional cooperation	18
The Iranian problem in the context of Russian-Turkish relations	30
Iraq and Kurdish question in the context of Russian-Turkish relations	34
Afghanistan: new challenges and opportunities	40
Central Asia as a sphere of political cooperation and rivalry	42
Russia and Turkey in the Caucasus: intentions to overcome the instability	45
Chapter III. Framing economic aspects in the development of Russian-Turkish relations	48
Chapter IV. Non-political Actors and Humanitarian dimensions of the Russian-Turkish Bilateral Relations	61
Progress and limits of the cooperation in sphere of tourism	65
Cooperation in the sphere of education	66
Public diplomacy and cross-cultural dialogue	71
Afterword	75
Bibliography	81
Summary	94

Научное издание

Ульченко Наталья Юрьевна
Шлыков Павел Вячеславович

Динамика российско-турецких отношений
в условиях нарастания глобальной нестабильности

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Корректор И. П. Карезина
Художник К. В. Макарова
Верстка Д. С. Севальнев

Подписано 18.07.2014.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 4. Уч.-изд. л. 6.
Тираж 300 экз. Зак. № 532

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru